

Ю. В. Голик, В. И. Карасев

**КОРРУПЦИЯ
КАК МЕХАНИЗМ
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕГРАДАЦИИ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

**Валентин Иванович Карасев
Юрий Владимирович Голик
Коррупция как механизм
социальной деградации**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11249671

*Ю. В. Голик, В. И. Карасев. Коррупция как механизм социальной деградации: Юридический центр
Пресс; Санкт-Петербург; 2005
ISBN 5-94201-389-6*

Аннотация

Авторы настоящей работы – *Юрий Владимирович Голик*, доктор юридических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, директор Центра РГТЭУ по изучению организованной преступности в экономике и торговле; *Валентин Иванович Карасев*, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, заместитель директора Центра РГТЭУ по изучению организованной преступности в экономике и торговле.

Коррупция в современный период времени превращается в мощную криминогенную детерминанту всей жизни общества, становясь принципом власти и образом жизни населения. Если этому не воспрепятствовать, то последствия будут необратимыми: существующее общество и государство исчезнут. В работе проблема коррупции рассматривается в философском, уголовно-правовом и криминологическом аспектах. Подобный междисциплинарный подход выгодно отличает предлагаемое исследование от других работ по данной тематике. Для практических работников, а также всех интересующихся проблемами борьбы с коррупцией.

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Социальная трансформация и изменение правовой реальности	23
Криминологические границы исследования проблемы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Голик, Карасев

Коррупция как механизм социальной деградации

© Ю. В. Голик, В. И. Карасев, 2005

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005

Рецензенты:

О. Н. Ведерникова, доктор юридических наук, профессор Российской правовой академии

А. И. Коробеев, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права ДВГУ

Предисловие

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается книга, посвященная проблемам коррупции и борьбы с ней. Я входил в авторский коллектив ее первого варианта. Однако, несмотря на предложения дальнейшего сотрудничества, в силу занятости своей депутатской деятельностью и поскольку эта тема в целом не мое научное направление, от работы над данной редакцией мне пришлось отказаться.

Вместе с тем, понимая ту значимость, которую сегодня имеет коррупция уже не только как совокупность ряда отдельных преступлений, но как социальный феномен, видя несомненную связь разрастания коррупционизма с деградацией иных социальных сфер и, прежде всего, деформацией государственного строительства, я с интересом и удовлетворением хочу высказать свое мнение по некоторым актуальным и социально значимым моментам, которые отражены в предлагаемом издании.

В прошедшем году выявлено более 30 тыс. преступных посягательств против государственной власти и интересов службы. Прирост составил почти 20 %, в их числе – около 9 тыс. фактов взяточничества. «Однако, – как отметил Министр внутренних дел Российской Федерации Р. Г. Нургалиев, – это несопоставимо с истинным масштабом коррупции, который мы можем оценить по отдельным примерам».¹

Разговор о коррупции, на самом деле, разговор о серьезной девальвации профессии государственного служащего. Еще точнее, системы государственной службы – той единственной в масштабах общества системы, смыслом и условием существования которой является развитие самого общества.

Можно выделить три проблемы, которые составляют содержание темы коррупции в обществе. Это – проблема государства как социального института, проблема государственной бюрократии и проблема соотношения экономического и политического ресурсов власти.

Люди, живущие в обществе, в действительности не могут быть от него свободными. Они находятся между собой в отношениях, которые определяются социальным положением, этнической или конфессиональной принадлежностью, уровнем жизни и многими другими позициями. Необходимость совместного проживания и системные связи рождают сетевые структурные узлы и определенные виды социальной деятельности.

Люди разрабатывают идеологические платформы, политические программы и правовые нормы. Они реализуют как личные, так и групповые интересы, объединяясь в производственные коллективы, профессиональные союзы и общественные организации или политические партии.

В обществе существует множество интересов, а, следовательно, в его границах происходит не только консолидация, но и размежевание; существуют не только общие, но и отдельные цели, за реализацию которых людям приходится конкурировать друг с другом, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях социальных отношений.

Идеология – система целеполагания, позволяющая социальным группам осознавать свои интересы, политика – поле интерактивных отношений, в котором реализуется деятельность по достижению поставленных групповых целей, право – система-оператор, представляющая возможности деятельности по реализации идей и превращающая через государственные функции заявленные цели в защищенный законом частный или социальный интерес.

¹ Из выступления Министра внутренних дел на заседании Государственной Думы // Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 85 (799). – 9 марта 2005 года, с. 24.

Такая логика позволяет развенчать миф о том, что государство как социальный институт может иметь отдельные от общества цели и интересы. Государство является системой, предназначенной реализовать как совокупную волю субъекта всех отношений – общества, так и совокупность волевых стремлений его членов – граждан данного государства.

Такая позиция позволяет осознать, что внедряемая в общественное сознание мысль о том, что государство выступает субъектом посягательства на индивидуальные права граждан как членов общества, не соответствует действительности. Оппонентами в борьбе за достижение своих устремлений выступают сами люди и их организации, а высшим распорядителем индивидуальных прав – выраженная в праве коллективная воля общества как социального организма. Государство выступает лишь в качестве механизма реализации суверенного общественного самоуправления.

В то же время государство само является сложной системой, состоящей из людей, выполняющих функции государственной службы. Государственная бюрократия составляет такую социальную группу, которая не имеет собственной идеологии и не может реализовать отличный от общественного узкогрупповой или корпоративный интерес. Как личность государственный служащий имеет все права члена гражданского общества, но в своей профессиональной деятельности из состава гражданского общества он исключен. Правило, гласящее, что все, что не запрещено, – разрешено, на государственных служащих не распространяется. Им разрешено только то, что четко прописано в законе, нормативном акте или должностной инструкции. Государство в качестве социального института является гарантией нормального функционирования социального организма, государственные служащие – инструментом реализации гарантированных обществом групповых интересов и индивидуальных прав. Профессиональная, грамотная бюрократия необходима любому общественному строю, любому политическому режиму. И, как бы парадоксально это ни звучало, не государство обеспечивает социальную жизнь, а общество содержит на свои средства государство, а государственные служащие находятся на содержании у членов гражданского общества.

Проблема коррупционизма не в том, что чиновники злоупотребляют должностными полномочиями и воруют казенные деньги, – это его проявления. Проблема состоит в том, что иногда государственный аппарат может служить не обществу в целом, а находиться под властью или на содержании у его отдельной части. В этом случае не общество, а именно эта часть имеет все возможности для реализации своего корпоративного интереса за счет остальных членов общества и с государственной гарантией. Правда, в таком контексте уже не приходится говорить о государстве в строгом смысле этого термина. В современных условиях данная постановка вопроса становится актуальной как никогда, поскольку замена государственного суверенитета корпоративным самоуправием еще не анализировалась в серьезном научном ключе.

Поэтому последней темой, связывающей в отношении коррупции государствоведение и криминологию, является соотношение политического и экономического ресурсов власти. Замена суверенных прав субъекта социальной жизни – общества – на корпоративное самоуправие возможна только в случаях или ослабления политического ресурса социума, или резкого усиления влияния на политическую власть экономического ресурса какой-либо социальной группы.

Собственно об этом и идет речь в предлагаемой книге. Она посвящена глубокому анализу коррупции как социального феномена. В ней содержится описание криминогенных детерминант и тенденций коррупционной преступности, открываются такие стороны проблемы, которые ранее не анализировались. Значительное место уделено как уже имеющим место в жизни, так и прогнозируемым социальным следствиям этого опасного рода девиантного социального поведения.

Книга исследует, учит и предостерегает. В ней есть такие слова: «Разврат погубил Содом и Гоморру. Роскошь и разврат погубили Древний Рим. Коррупция губит мир современный».

С уважением

С. Н. Бабурин,

заместитель председателя

Государственной Думы РФ,

доктор юридических наук,

профессор

Введение

Актуальность исследования проблемы становления современных форм коррупции как социального феномена и их динамики в условиях трансформационных общемировых процессов возможно определить исходя из трех причин. Во-первых, этого требуют стремительные изменения общественно-политической, а следовательно, и правовой реальности, предопределяющие уточнение представления о юридической природе коррупции в уголовном праве; во-вторых, рост конкретных составов преступлений, в которых проявления коррупционности выступают в качестве квалифицирующего признака, и, в-третьих, необходимость приведения в соответствие закрепленных в новом УК РФ преступлений, связанных с государственной службой, и существующей на эмпирическом уровне практики применения этих норм.

Для любой локальной цивилизации классическую модель взаимоотношений государства, общества и личности можно сформулировать, несмотря на все многообразие научных определений, следующим образом: гражданское общество посредством общественного договора формирует государство как функциональный орган координации интересов субъектов социальной стратификации и их совместной деятельности. Принимаемые правила, иначе – конституционное поле, инверсионно превращают личность социума в гражданина государства. С этого момента через систему позитивного права законы государства становятся обязательными как для граждан, так и для иных субъектов гражданского общества.

Формирование такого правового пространства, в границах которого эффективно действовали бы механизмы взаимодействия правового государства, гражданского общества и личности, является одной из главных целей конституционного поля становящейся правовой реальности Российской Федерации.

Функционально данная целеполагающая установка решается государством в русле следующего триединства: во-первых, создания социально-экономических и политических условий достойного уровня жизни граждан; во-вторых, формирования посредством образования, воспитания и убеждения правового сознания, соответствующего нормам конституционного поля, и, в-третьих, применением исключительного права государства на легитимное насилие по отношению к лицам, организациям и общественным объединениям, нарушающим законы государства.

С позиций науки уголовного права нас интересует третий аспект. В современных условиях нарастания таких негативных социальных явлений, как организованная преступность, транснациональная преступность, коррупция и экстремизм, проблема возможных и справедливых форм общественного возмездия за преступления, зафиксированная в нормах позитивного права в целом и в соответствующих статьях уголовного законодательства в частности, предельно актуализируется.

Важность исследования проблемы усиливается и тем, что исторически Россия переживает переходный период. В условиях нестабильности социальных оснований общества причины и обстоятельства изменений нормативно-правовой базы коренятся не только в правовой сфере, но и в иных сферах функционирования общества. Поэтому средства правовой технологии и юридической техники запаздывают по сравнению с возрастающими возможностями криминальных структур, а принимаемые законы не всегда полностью соответствуют базовым принципам государственного устройства.

Следовательно, как с позиций социально-экономического состояния гражданского общества России, так и с точки зрения развития правовых отношений и юридической техники, исследование проблемы коррупции представляется актуальным и практически необходимым.

С юридической точки зрения объект исследования составляет правовое поле отношений государства и гражданина (личности) по поводу правотворчества и правоприменения государством принудительных санкций за преступные деяния в виде конкретных наказаний. Законодательство в сфере определения наказания и правоприменительная практика выступают как общеправовое содержание объекта исследования, его формально юридические границы заключены в качественных и количественных характеристиках преступлений, связанных с государственной службой.

С точки зрения общественных отношений, в центре внимания располагается коррупция как значимый социальный феномен, рост и распространение которого, особенно в условиях глобализации, имеет четкую тенденцию к деградации современного социального устройства. Особенно важным представляется анализ совокупности действия криминальных детерминант, влияние которых превращает коррупцию из преступления в пусковой механизм распада существующего правового и социального поля. При этом необходимо четко представлять, что пространством действия детерминант сегодня является вся социальная и правовая реальность.

Таким образом, объектом данного исследования будет являться более широкий по сравнению с наличным дискурс, границами которого являются параметры самого социального пространства. Предметом – закономерности и основания функционирования в современных условиях коррупции в качестве феномена не только криминологии и уголовного права, но социальной и правовой реальности в целом. Более того, представляется, что именно изменения в общественных основаниях вызвали к жизни состояние и динамику всей системной целостности девиантного поведения, в том числе и таких его агрессивных форм как организованная преступность, терроризм, наркомания и коррупция. Именно определение их сущностной взаимосвязи и возможностей социального противодействия их экспансии и доминированию составляет цель предлагаемой работы.

Современное человечество на рубеже тысячелетий вступило в полосу перемен, содержание и темпы которых дают основание говорить о проявлении некоторых параметров действия законов более высокого, чем познанные в ареале позитивных наук сегодняшнего дня, уровня организации и функционирования как социума, так и всей целокупности материального мира. С этой точки зрения исследования процессов, связанных с социальной трансформацией, представляются не только возможными, но и необходимыми.

Следует подчеркнуть, что трансформационные изменения, происходящие в современном мире, все отчетливее приобретают черты системности. Следовательно, те глобальные перемены, которые происходят на уровне человеческого сообщества в целом, с силой закона оказывают влияние на особенные процессы изменений как в границах отдельно взятых национальных государств, так и в параметрах структуры социальной системы, ее единичных подсистем и в действии механизмов их функциональности. Причем серьезным обстоятельством, мимо которого сегодня уже невозможно пройти, является то, что вектор социальных изменений направлен не только на прогрессивное развитие функций и систем, но и на их деградацию, в том числе на формирование ряда негативных функций, подсистем социального организма и негативных общественных феноменов.

Аналогичные процессы в криминальной сфере в общем русле социальных изменений также приобретают черты системности. В границах феномена преступности протекают такие процессы, которые уже сами по себе имеют феноменальные признаки и свидетельствуют о переходе преступности на иной качественный уровень состояния и развития.

Направления перемен в криминальной среде, их уровень и темпы распространения позволяют говорить и о том, что феномен преступности по объективным характеристикам и степени влияния как на общественное сознание, так и на социум в целом, превращается в реальную угрозу общественной безопасности. Прежде всего речь идет о таких формах пре-

ступного сообщества, как организованная преступность, профессиональная преступность и коррупция. Причем именно коррупция и механизмы ее влияния на социальную мотивацию представляют наибольшую опасность как криминогенные детерминанты изменения качественной определенности границ девиантного социального поведения.

В этих условиях криминологический дискурс, объясняющий причины, состояние и динамику современной преступности, нуждается в учете того факта, что в ареале мирового континуума происходит универсальный процесс качественных и количественных перемен. Его полную характеристику невозможно дать без поправки на следующие качественно меняющиеся параметры социального поля: 1) состояние и изменение социальной и правовой реальности; 2) наличие коррелятивных связей между процессом социальной трансформации в форме глобализации и появлением, изменением или расширением сущности, форм, способов и методов преступной деятельности; 3) определение причин и закономерностей такой связи и степень ее отражения в действующих системах национально-государственных законодательств и международных актов; 4) поиск эффективных форм борьбы с современной преступностью, в том числе через изменение социально-экономических условий, методами активного социального контроля и всей совокупностью мер уголовного права. По существу данное обстоятельство в состоянии качественно видоизменить содержание самого дискурса криминологического поля исследования.²

Применительно к предмету исследования речь идет о том, что в современных условиях глобального становления нового социального качества структурной организации человеческих сообществ анализировать преступность, и в особенности ее организованные формы, с традиционных позиций отклоняющегося поведения, с установкой на значительно отстающие от темпов и качества процессов социальной трансформации положения теории права и криминологии уже недостаточно. Необходимы более широкий взгляд на совокупность социально-экономических изменений и их отражение в действующих в мировом сообществе правовых системах с тем, чтобы понять качественную сущность того мира, в котором мы живем, и на этой основе определить эффективные ориентиры в борьбе с новыми негативными явлениями, процессами и тенденциями. Ряд социальных изменений, и среди них не последнее место занимает преступность в ее сущностной взаимосвязи с политическим режимом и олицетворяющим данный политический режим государством, пока еще реализуют себя не как сложившийся социальный феномен, а как тенденция. И сегодня государство еще в состоянии если не отменить ее полностью, то, по крайней мере, замедлить действие и предотвратить наиболее опасные социально-экономические, политические и духовные следствия.

Таким образом, и теоретические и практические усилия современного общества нацелены на разработку широкого спектра антикоррупционных мер. В России в разработке данной проблематики имеются значительные научные результаты.³ Так, ряд исследова-

² Предложенные рассуждения в данном контексте не являются самостоятельным предметом исследования. Они служат аргументом для постулирования позиции крайне внимательного и осторожного использования терминологии исследовательской позиции в экономических, социальных, политических или правовых исследованиях, получившей наименование «глобалистики». Если не существует четкого теоретического обоснования самой концепции глобального развития, непротиворечивость внутри которой позволяла бы использовать ее выводы в качестве методологии и методики конкретных исследований в отмеченных сферах общественности, то тем более невозможной представляется та система эмпирических обобщений представителей различных социальных наук, которая берется на ее зыбком фундаменте строить теоретические конструкции собственных отраслей знания. И особенно опасно, когда выводы этих отдельных исследовательских позиций рассматриваются основой построения соответственно экономических, социальных, политических или правовых моделей, фактически становясь отправной точкой в новой волне социального экспериментирования, цена которого так дорого оплачена практически всей историей человечества XX века.

³ Антикоррупционная политика: Учебное пособие / Под ред. Г. А. Сагарова. – М., 2004; Братимов О. В., Горский Ю. М., Делягин М. Г., Коваленко А. А. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М., 2000; Голик Ю. В., Карасев В. И. Политическая идеология как основа национальной безопасности // Национальные интересы. – 1998, № 1, с. 21–25; Делягин М. Г. Глобальная неустойчивость // Распад мировой долларовой системы. – М., 2001; Левашов В. К. Глобализация, социальная безопасность и национальная стратегия развития // Национальные интересы, 2001, № 5–6; Лунев В. В. Крими-

ний посвящен феномену российской коррупции,⁴ зарубежная коррупционная деятельность также изучается представителями различных общественных наук.⁵

Вместе с тем нам представляется обоснованной точка зрения В. Н. Кудрявцева о необходимости сочетать и интегрировать имеющиеся место в криминологии подходы в единую концепцию.⁶ В связи с этим эффективным методом анализа такого социального феномена, как коррупция, может стать многоуровневый подход, сочетающий методологический, теоретический и собственно криминологический уровни.

Следует иметь в виду, что подобный анализ любого явления или процесса, протекающего в реальности, имеет три уровня реализации поставленной задачи. На первом, наиболее абстрактном, уровне формируется категориальная матрица, которая позволяет определить существенные параметры изучаемого явления или процесса. Следующий уровень выступает в качестве методологии соответствующей сферы социальной теории. Он вооружает исследователя понятийным теоретическим инструментарием и формирует принципы, методы и способы описания исследуемого объекта средствами соответствующей, в нашем случае правовой, науки. И, наконец, третий уровень – это перевод понятийного аппарата теории в плоскость практически-прикладной методики исследования, результатом которой является определение конкретных проблем в конкретной сфере социальной практики и формулирование эффективных способов их диалектического и практического разрешения.

В контексте предлагаемого варианта исследования проблемы данная конструкция выступает как последовательное описание закономерности и причинности в отношениях таких категорий, как глобализация и преступность, власть и собственность, коррупция и общество; определение предельно возможных и допустимых философско-правовых параметров и анализ некоторых оригинальных криминологических исследований, представляющих для раскрытия темы актуальность, а для самой науки – познавательную значимость.

Вместе с тем проблема коррупции, организованной и транснациональной преступности имеет огромное практическое значение как для нашей страны, так и для мирового сообщества. Одно из центральных мест в идеальных картинах перспективного развития общества занимает проблема условий, которые были бы в состоянии обеспечить любые социально значимые цели. Президент Российской Федерации В. В. Путин сформулировал такие основные цели развития российского общества, в числе которых важное место занимает рост уровня благосостояния и защищенности граждан России. Представляется, что реализация целевых установок в поле социальных отношений связана не только с усилиями, направленными на желаемое созидание будущего, но и со сложной работой по их всестороннему обеспечению, в том числе мерами правового и криминологического воздействия.

ногенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социальные исследования, 1994, № 8–9, с. 89–101; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток, 1999; Россия в фокусе криминальной глобализации. – Владивосток, 2002; *Самигуллин В. К.* Право и неправое // Государство и право, 2002, № 3; Транснациональная преступность в новом тысячелетии // Борьба с преступностью за рубежом, 2001, № 5; *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2002; *Явич Н.* Сущность права. – Л., 1985, и др.

⁴ *Болдырев Ю.* О бочках меда и ложках дегтя. – М., 2003; *Бондаренко С. В.* Коррупцированные общества. – Ростов н/Д, 2002; *Кирпичников А. И.* Взятка и коррупция в России. – СПб., 1996; *Клямкин И. М., Тимофеев Л. М.* Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. – М., 2000; *Черный Э.* Российское рыболовство. Заметки на фоне коррупции. – М., 2003; *Корнаи Я.* Дефицит. – М., 1990; *Леденева А. В.* Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блага в постсоветском обществе // Мир России, 1997, т. 6, № 4, с. 89–106; *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история, 2002, № 5, с. 33–49; *Тимофеев Л. М.* Институциональная коррупция. – М., 2000, и др.

⁵ *Делонг Дж. Б.* Бароны-разбойники // Очерки о мировой экономике. Выдающиеся экономисты мира в Московском центре Карнеги. – М., 2002, с. 179–208; *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма. – СПб., 1996; *Эгертссон Т.* Экономическое поведение и институты. – М., 2001 и др.

⁶ *Кудрявцев В. Н.* Социальные причины организованной преступности в России // Организованная преступность и коррупция, 2000, ч. 1, с. 8.

Несомненно, что проблема «расчистки» правового поля в широком смысле правообеспечения конкретных политических, социально-экономических и духовных процессов является в данном ряду одной из самых важных.

Мы выделяем понятие «правообеспечение» в широком смысле именно в силу того, что процесс расчистки правового поля по существу двуедин. С одной стороны, он предусматривает борьбу с преступностью как с формой проявления девиантного поведения личности или группы лиц; с другой – речь может и должна вестись о деятельности, направленной на преодоление преступности, особенно в ее организованных формах, как процесса, содержанием которого выступает создание условий, ограничивающих появление криминальности как социального феномена. Именно выделение последнего качественного момента указывает на предельно опасную социализацию криминального поведения в качестве способа жизни и особого, пока еще корпоративного, мировосприятия. Но уже констатации этих тенденций вполне достаточно для объявления таких социально опасных форм преступности, как организованная преступность, профессиональная преступность и коррупция в числе тенденций, представляющих непосредственную угрозу как национальной безопасности, так и устоям складывающегося в российском обществе института гражданского общества.

В ряде современных источников принято считать, что коррупция – «такое же древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей, каков бы ни был этот социальный порядок».⁷ Так, в исторической литературе упоминания и прямые факты принятия даров и подношений отмечаются практически на протяжении всего известного науке периода. Древний Восток, включая Индию и Китай, античность, в том числе период развитой демократии в Афинах, арабский мир древности – все они так или иначе, в той или иной форме демонстрируют наличие подобных явлений, а также попытки их осмысления и противостояния им.

Глубокими корнями данные явления уходят в раннюю средневековую эпоху в российской истории. Еще в русских летописях XIII в. упоминается об осуждении «мздоимства» и «лихоимства». Начиная с правления Ивана III, имели место попытки их строгого пресечения. Белозерская уставная грамота впервые устанавливала твердые так называемые «кормы» для наместников и их аппарата. Судебник Ивана Грозного впервые официально запретил взятки – «посулы» – и зафиксировал не только размер за них судебных пошлин, но даже смертную казнь. И при Петре I, несмотря на его стремление сурово карать своих ставленников и наместников за взятки («дачи»), вплоть до повешения и четвертования, тем не менее, процветали различные формы продажности. Да и на протяжении всего периода царствования династии Романовых она оставалась немаловажным средством приращения доходов и мелких государственных служащих, и крупных сановников. Особенно одиозной, компрометирующей власть в отечественной истории явилась злопамятная «распутинщина».

Вместе с тем можно отметить, что если до второй половины XIX столетия подношения имели в России, как правило, натуральный характер, то после 1853 г. они стали осуществляться преимущественно в денежной форме. Практически, если с нашей точки зрения формализовать определение, то только с этого момента времени возможно вести речь о том явлении, которое получило сегодня в конкретно понимаемом смысле наименование коррупции. Однако методологические аспекты будут рассмотрены несколько позже.

Отношение в царской России к отмеченному явлению было двойственным, как, впрочем, и практически всегда в известных исторических контекстах. Вместе с тем осуществлялось определяемое уголовным законом преследование мздоимцев. Так, по данным, приводимым в учебном пособии по антикоррупционной деятельности под редакцией Г. А. Сатарова, в середине XIX века в течение года осуждалось приблизительно 8 % наличного состава

⁷ Антикоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 5.

чиновников 9–14-го классов, т. е. около 4 тыс. человек. В правление Александра III было запрещено совмещение государственных должностей с работой по управлению банками и акционерными обществами.

В советское время наличие коррупции в обществе официально не признавалось. Тогда господствовала мифологема, что это явление присуще лишь так называемому «загнивающему капитализму». Сам термин «коррупция» вошел у нас в обиход чуть более десяти лет назад, в конце 80-х годов. До этого же в политико-правовых документах значились лишь такие выражения, как «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т. п.

В идеологическом аспекте отмечаются и иные характерные черты советского периода истории коррупции и борьбы с ней: во-первых, власти не признавали слова «коррупция» и, отрицая понятие, тем самым отрицали явление, делая борьбу с ним бесперспективной; во-вторых, взяточничество как явление было отнесено к разряду пережитков и остаточных явлений капитализма; в-третьих, в годы советской власти высшие советские и партийные чиновники были практически неприкосновенными; в-четвертых, с коррупцией среди государственного аппарата боролись исключительно представители этого аппарата и, в-пятых, коррупция нередко выступала в качестве единственно возможного средства внедрения рыночных отношений (хотя и стихийно) в плановую экономику. Об этом свидетельствовала укорененность коррупции как фактического организатора теневого рынка.⁸

В поле действия основных трендов коррупционной деятельности в России и борьбы с ней в переходный период, с начала перестройки 1986 года, четко просматриваются две взаимосвязанные тенденции: реальная коррупционная деятельность интенсивно росла, а социально-правовой контроль за ее проявлениями катастрофически снижался. И только в последнее время этот вопрос все чаще и чаще актуализируется, но пока не более, чем на словах. Однако даже эти словесные заявления воспринимаются определенными кругами, которые использовали в своих неблагоприятных целях правовой и властный вакуум последнего десятилетия, как наступление реакции или авторитарного правления.

Либерально ориентированным исследователям представляется, что из-за отсутствия в советское время нормальной правовой системы и соответствующих культурных традиций, особенно в сфере защиты частной собственности, коррупция существовала как один из эффективных способов взаимодействия населения с представителями власти.⁹ Именно потому, что власть и ее представители не умели и не желали защищать частную собственность, «у представителей бизнеса оставалась только одна возможность – покупать услуги представителей власти в частном порядке. Таким образом, – постулируется данными авторами, – коррупция становилась необходимой и естественной основой взаимоотношений власти и бизнеса».¹⁰

Вместе с тем в современных условиях глобализации коррупционная деятельность, выйдя за границы национальных социально-экономических систем и государств, стала предметом глубокой озабоченности всего мирового сообщества. Исследовательский мониторинг и практические меры по противодействию коррупционной экспансии находятся в центре внимания экономических корпораций и научных объединений, средств массовой информации и широкой международной общественности. Однако, как и в национальном масштабе, в границах мирового научного сообщества до сих пор нет единого консолидированного определения коррупции как социального явления, более того, в этом аспекте оно практически предстает как сущностно оспариваемое научное определение.

⁸ Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция. – М., 2000, с. 41

⁹ Анतिकоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 48

¹⁰ Там же.

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова «*corruptio*», означающего порчу, подкуп. На современном этапе в арсенале криминологии накопилось достаточно много дефиниций относительно коррупционной деятельности. Они имеют место и в международных правовых актах. Так, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1978 г., содержится следующее определение: «Хотя понятие коррупции должно определяться национальным правом, следует отметить, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие». Таким образом, здесь под коррупцией понимается подкуп, продажность должностных лиц (публичных служащих) и их служебное поведение, осуществляемое в связи с полученным или обещанным вознаграждением.

Такое понимание коррупции существует и в современном правовом пространстве СНГ. Например, А. И. Долгова определяет коррупцию как социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей. В подкупе одних лиц другими усматривает суть коррупции другой известный криминолог – Н. Ф. Кузнецова.¹¹

Существует и иной подход к коррупционной деятельности, в параметрах которого она анализируется как социальное явление в плане, более широком, чем подкуп и взяточничество. Так, по мнению Д. Бейли, коррупция представляет собой злоупотребление властью как результат ее использования в личных целях, которые не обязательно должны быть материальными, а К. Фридрих считает, что коррупция – это отклоняющееся поведение, соединенное с частной мотивацией, означающей, что частные (индивидуальные, групповые) цели преследуются за публичный счет. Дж. Най определяет коррупцию более развернуто, – как поведение, которое отклоняется от формальных обязанностей публичной роли под воздействием частных материальных или статусных целей либо нарушает правила, запрещающие определенные виды деятельности относительно частного влияния.

Восьмой конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) в своей резолюции «Коррупция в сфере государственного управления» отметил, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и их пагубное влияние ощущается во всем мире. Анализ борьбы с коррупцией в отдельных странах показывает огромный разрыв между декларируемыми принципами равенства всех граждан перед законом и реальной практикой привлечения к уголовной ответственности. Как считает А. Н. Агыбаев, коррупция – это «типичный вид беловоротничковой преступности. Следовательно, она высоколатентна, часто отличается изощренностью и причинением крупного ущерба. Особая опасность коррупции состоит в том, что она как раковая опухоль перерождает государственный аппарат, приводит к его необратимым изменениям».¹² Ее опасность обусловлена тем, что она нередко переплетается с совершением других корыстных преступлений. Посягая на нормальную деятельность аппарата государственных органов, коррупция к тому же подрывает его авторитет, дискредитирует органы власти и управления, что ведет к нарушениям принципа социальной справедливости и закон-

¹¹ Цит. по: Рева А. М. Коррупция как социальное явление общества (обзор нормативных актов и литературы) // Предупреждение коррупции в полиции (милиции): Материалы международного научно-практического семинара (11–12 февраля 2002 г.). – М., 2002, с. 86.

¹² Агыбаев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: Учеб. пособие. – Алматы, 2003, с. 3.

ности. Но самое главное, коррупция – это катализатор организованной преступности, одна из необходимых составляющих ее среды обитания. Существовая в симбиозе, эти два явления составляют самую серьезную опасность для государства и общества, особенно в условиях становящейся демократии.

Общественная опасность коррупции выражается в следующем:

– государственная политика диктуется частными интересами лиц, находящихся у власти и способных влиять на власть в масштабах, превосходящих деятельность власти по реализации общественных интересов. Ключевые решения, оказывающие максимальное воздействие на жизнь общества, принимаются на коррупционной основе или для прикрытия коррупционеров, находящихся в зависимости от разнообразных «теневых фигур»;

– прямые потери от коррупции ведут к уменьшению доходов государственного бюджета, косвенно уменьшая объем производимого валового национального продукта;

– коррупция расширяет теневую экономику, разрушает конкуренцию, так как взятка обеспечивает предоставление неконкурентных преимуществ. Это подрывает рыночные отношения как таковые, создает новые коррупционные монополии, часто связанные с организованной преступностью, снижает эффективность экономики в целом;

– коррупция лишает государство возможности обеспечить соблюдение честных правил рыночной игры, что дискредитирует и саму идею рынка, и авторитет государства как арбитра и судьи;

– влияние коррупции на проведение приватизации и банкротств затрудняет появление эффективных собственников;

– нерациональное расходование бюджетных средств усугубляет бюджетный кризис;

– коррупция увеличивает издержки субъектов экономики, что перекладывается на потребителей через повышение цен и тарифов;

– коррупция в органах управления разлагает не только их самих, но и аппараты управления крупных корпораций. Соответственно происходит общее снижение эффективности управления, как государственного, так и коммерческого;

– широкомасштабная коррупция делает невозможным привлечение не только внешних, но и внутренних инвестиций, что в принципе лишает государство возможностей развития.

Так, в обращении Президента Республики Казахстан к гражданам отмечается: «Коррупция все глубже проникает в различные сферы нашей жизни, искажает экономическую политику и стратегию развития страны, ведет к прямому и косвенному хищению государственного бюджета и государственной собственности. А значит, оказывает все более сильное и негативное влияние на социальную сферу, которая так нуждается сегодня в средствах. Коррупция сильно ослабляет и производственный сектор, где на многих предприятиях руководит нерадивый или вороватый менеджмент, который ухудшает инвестиционный климат и закрывает дорогу в страну добросовестным инвесторам. Более того, она несет и более глобальные угрозы, подрывая демократические устои общества, веру в закон, в справедливость. Она подрывает и нравственные ценности, которые, еще не успев принять форму цивилизованных, общечеловеческих, серьезно искажаются».¹³

Изучение общей и специальной литературы дает представление о том, что, хотя и существуют «расхожие» определения коррупции, в то же время общепринятого правопонимания и социальных параметров данного криминального явления пока не разработано.

Наиболее часто коррупция отождествляется со взяточничеством или рассматривается как злоупотребление должностными полномочиями, совершаемое с корыстной целью. Под коррупцией также понимается злоупотребление служебным положением, совершенное в

¹³ Казахстанская правда, 1998, 14 июля.

личных интересах, причем лишь такие случаи корыстного злоупотребления по службе, которые характеризуются подкупом – продажностью государственных служащих. Коррупция определяется как любое умышленное нарушение должностным лицом или иным государственным служащим своих служебных полномочий, а иногда и как элемент организованной преступности.

Например, по мнению профессора А. И. Долговой, коррупция – это «социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей».¹⁴

Г. А. Сатаров отмечает, что «государственный служащий обязан принимать решения, исходя из целей, установленных правом (Конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях. Этого условия достаточно, чтобы характеризовать такое явление, как злоупотребление служебным положением. Между этим явлением и коррупцией грань весьма размыта».¹⁵

Некоторые ученые считают коррупцией и нарушение этических норм служебных полномочий.¹⁶ Представляется, что определение понятия коррупции и установление ее конкретных проявлений должно основываться на понимании именно социальной сущности этого явления. Поэтому мы разделяем общую позицию тех исследователей, которые дефинируют ее в данном смысле. Так, А. Н. Агыбаев полагает, что «сущность коррупции состоит в том, что она искажает общественные отношения, разрушает нормальный порядок деятельности государственного аппарата, в результате чего происходит „порча“, „коррозия“ власти».¹⁷

Следовательно, коррупция предполагает использование власти и связанных с ней возможностей не в интересах всего общества, а в интересах отдельных лиц или определенной группы лиц в корыстных целях. Иными словами, коррупция предполагает неправомерную эксплуатацию публичной власти в частных интересах.¹⁸

Краткое и емкое определение коррупции содержится в справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». В том же ключе определил это явление министр юстиции Нидерландов в июне 1994 г. на Конференции европейских министров в Мальте. По его мнению, коррупция представляет собой более широкое понятие, чем подкуп должностного лица. «Коррупция – это скорее злоупотребление властью или, более точно, нечестное поведение в процессе принятия решений».

В одном из последних международных документов, направленных на борьбу с коррупцией, а именно в Межамериканской конвенции против коррупции, подписанной государствами – участниками Организации американских государств 29 марта 1996 г. в Каракасе, названы следующие случаи коррупции:

– вымогательство или получение прямо или косвенно правительственным чиновником или лицом, которое выполняет государственные обязанности, любого предмета, имеющего

¹⁴ Долгова А. И. Криминология. – М., 1999, с. 101–104.

¹⁵ Сатаров Г. А. Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы регионального общественного фонда «Информатика для демократии». – М., 1998, с. 1.

¹⁶ Алауханов Е. Понятие коррупции и коррупционной преступности // Юридическая газета, 1991, 21 апреля; Жумагулов Т. К., Николенко А. Ф. Коррупция: определение состава преступления // Юридическая газета, 2000, 12 апреля, и др.

¹⁷ Агыбаев А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с коррупцией: Учеб. пособие. – Алматы, 2003, с. 8–9.

¹⁸ Там же, с. 9.

денежную стоимость, или иной выгоды в виде подарка, услуги, обещания или преимущества для себя или иного физического или юридического лица в обмен на любое действие или несовершение действия при исполнении ими своих государственных обязанностей, а также предложение или предоставление таких предметов или выгод указанным лицам;

– любое действие или несовершение действия при исполнении своих обязанностей правительственным чиновником или лицом, выполняющим государственные обязанности, в целях незаконного получения выгоды для себя или третьего лица;

– мошенническое использование или сокрытие имущества, полученного в результате совершения указанных действий;

– ненадлежащее использование правительственным чиновником или лицом, исполняющим государственные обязанности, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого имущества, принадлежащего государству, компании или учреждению, в которых государство имеет имущественную долю, если чиновник или лицо, исполняющее государственные обязанности, имеет доступ к этому имуществу вследствие или в процессе исполнения своих обязанностей;

– ненадлежащее использование правительственным чиновником или лицом, исполняющим государственные обязанности, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого вида секретной или конфиденциальной информации, которую этот чиновник или лицо, исполняющее государственные обязанности, получили вследствие или в процессе выполнения ими своих обязанностей;

– переадресование правительственным чиновником независимому учреждению или частному лицу в целях, не связанных с теми, для которых они были предназначены, для своей выгоды или выгоды третьего лица любого принадлежащего государству движимого или недвижимого имущества, денежных средств или ценных бумаг, которые такой чиновник получил вследствие своего служебного положения с целью распоряжения, хранения или по другой причине¹⁹.

Коррупция начинается тогда, полагают авторы доклада «Коррупция в России» Г. А. Сатаров, М. И. Левин и М. Л. Цирик, когда цели, установленные правом, общественно одобряемые культурными и моральными нормами, подменяются при решении корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях.

Таким образом, коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах. Яркую характеристику коррупции дает А. И. Кирпичников: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный барометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости».²⁰

Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают, что коррупция появилась с возникновением управленческого аппарата и существовала в обществе всегда. Ш. Монтескье писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет поло-

¹⁹ Рева А. М. Коррупция как социальное явление общества (обзор нормативных актов и литературы) // Предупреждение коррупции в полиции (милиции): Материалы международного научно-практического семинара (11–12 февраля 2002 г.). – М., 2002, с. 87–88.

²⁰ Цит. по: там же, с. 89.

женного ему предела». Однако пределы коррупции в разное время и в разных странах не одинаковы, что определяется рядом обстоятельств. Как правило, уровень коррупции выше в развивающихся странах, но и в государствах с развитой рыночной экономикой это явление выступает как распространенное зло.

Международная общественная организация «Трансперенси интернэшнл», ставящая своей задачей противодействие коррупции в бизнесе, как на международной арене, так и на национальном уровне, отмечает: «Феномен „коррупции“ носит глобальный характер. Она стала привычным явлением во многих ведущих индустриальных государствах, богатство и устойчивое положение, традиции которых позволяют, однако, скрыть размах огромного ущерба, наносимого коррупцией социальной и гуманитарной сферам. Коррупция широко распространена уже в развивающихся странах Восточной Европы и Центральной Азии, которые переживают в настоящий период процесс трансформации централистских систем. Нет таких стран, будь они богатые или бедные, которые могли бы претендовать на исключительное целомудрие».

Общественная опасность коррупции чрезвычайно велика. В документах мирового сообщества подчеркивается, что коррупция оказывает исключительно вредное влияние на экономику, подрывает эффективность всех видов правительственных решений и программ, наносит ущерб состоянию морали в обществе, расшатывает доверие граждан к правительству, авторитет власти, разрушает принцип справедливости и беспристрастного правосудия. Американский профессор В. М. Райсмен выделяет три наиболее распространенных типа взятки: деловая взятка как платеж государственному служащему с целью обеспечения или ускорения выполнения им своих должностных обязанностей; тормозящая взятка – за приостановку действия нормы или неприменение ее в деле, где она должна быть применена; прямой подкуп как покупка не услуги, но служащего, приобретение должностного лица с тем, чтобы оно, оставаясь на работе в организации и внешне соблюдая полную лояльность, на деле пеклось о своекорыстных интересах взяткодателя.²¹

В докладе Генерального секретаря ООН «Воздействие организованной преступной деятельности на общество в целом» на второй сессии Комитета по предотвращению преступлений и уголовному правосудию Экономического и социального совета ООН в апреле 1993 г. отмечалось, что коррупция государственных должностных лиц всегда являлась одним из приоритетных средств организации преступных группировок, составной частью их стратегии и тактики, которой отдавалось предпочтение перед использованием открытого насилия. Выплачиваемые в виде взяток деньги считаются боссами организованной преступности хорошим инвестированием, своего рода накладными расходами, оправданными с точки зрения «дела», поскольку это в значительной степени увеличивает шансы на успех и вероятную безнаказанность, снижает или даже сводит на нет опасность обнаружения преступления со всеми потерями, к которым это может привести.

Коррупция, как и организованная преступность в целом, приобретает черты транснациональности. Не случайно стратегия и практические меры борьбы с коррупцией обсуждались на Восьмом (Гавана, 1990) и Девятом (Каир, 1995) конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, многочисленных семинарах и конференциях, проводимых международным сообществом. В резолюции Восьмого конгресса ООН «Коррупция в сфере государственного управления» отмечено, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер, и государствам – членам ООН рекомендовано разработать административные и регулятивные механизмы для предупреждения коррупции и злоупотребления властью.

²¹ Там же, с. 91.

Как социальное явление коррупция проявляется в совершении различных коррупционных деяний, часть из которых являются преступными и преследуются в уголовном порядке. Коррупционная преступность – это преступления лиц, официально привлеченных к управлению (государственных и муниципальных служащих и иных лиц, уполномоченных на выполнение публичных функций), использующих различным образом имеющиеся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды.

Помимо коррупции в системе государственной и муниципальной службы и среди лиц, привлеченных к публичному управлению, коррупция существует в частном секторе, профессиональных союзах, политических партиях и т. д.

Классическое пособие Р. Перкинса по уголовному праву содержит следующее доктринальное описание коррупции: «Слово „коррупция“ указывает на нечистоплотность и непорядочность, и когда оно встречается в уголовном законе, оно означает безнравственные или в огромной степени ненадлежащие действия... Неправомерное отправление должности является коррумпированным поведением должностного лица в ходе исполнения его должностных обязанностей или когда оно действует под видом отправления должности».²²

Следует признать, что, несмотря на исторически постоянный характер этого социального явления и горы исписанной бумаги, коррупция оказалась малоизученной и малоизвестной на сегодняшний день именно как социально-экономический, социально-психологический и правовой феномен. Это касается не только течения отечественной мысли, но и теоретических изысканий зарубежных авторов. Большая часть работ в конечном счете сводится к перечислению и обличению ставших известными фактов коррумпированности государственных служащих, их классификации и предложений по недопущению таких фактов впредь. Это фактически подтверждается и практической безуспешностью борьбы с коррупционными преступлениями. «Есть только одна проблема, связанная с международным опытом практической борьбы с коррупцией. Она состоит в том, что лишь немногие из попыток снизить уровень коррупции оказались по-настоящему успешными».²³

И это в то время, когда, согласно экспертным оценкам, практически все отечественные и зарубежные исследователи единодушны: уровень коррупции в современной России чрезвычайно высок²⁴. Есть основания полагать, что он один из самых высоких в мире. Косвенно это подтверждается тем, что в правоохранительных органах – в центре и на местах – скопилось огромное количество материалов, ждущих своего часа до изменения политической обстановки²⁵.

Помимо количественного охвата необходимо учитывать и качественный – до каких «эшелонов власти» проникла коррупция. В настоящее время в России она стала не просто неотъемлемым, но необходимым элементом жизни. Не неизбежным, как очень часто пишут, а именно необходимым.

Между этими понятиями есть существенная разница. Неизбежность предполагает, что нечто накрепко связано, приклеено к организму – в данном случае к социальному – и нет технической возможности избавиться от чужеродного тела. И хотя инородная помеха мешает организму, он вполне может без нее функционировать.

Необходимость свидетельствует о том, что новообразование вошло в плоть и кровь самого организма, и организм без этого доведка уже не живет и не работает. Это – как нар-

²² Perkins on Criminal Law. Mineola (N.Y.), «The Foundation Press», 1969.

²³ Антикоррупционная политика: Учеб. пособие / Под ред. Г. А. Сатарова. – М., 2004, с. 230.

²⁴ Вот как характеризуют состояние дел зарубежные наблюдатели. С. Бойлан (США): «Коррупция стала стилем жизни для правительственных чиновников в России» (Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. Владивосток, 1999, с. 60); Ф. Туровер (Испания): «Для любого иностранного бизнесмена, работающего в России, коррупция – привычная рутина» (Литературная газета, 1999, № 35, с. 2). Цитирование, к сожалению, можно продолжать.

²⁵ У Лубянки на заметке более 2000 казнокрадов и взяточников // Комсомольская правда, 1998, 14 июля.

котик, который вошел в обменные процессы организма, и его одномоментное изъятие приведет сам организм к ломке, а то и летальному исходу. Если, конечно, не будет соответствующих реабилитационных мероприятий.

Коррупция – явление, прежде всего, социально-экономическое. Значит, для того чтобы на него воздействовать, необходимо знать «болевые точки», которые находятся именно в социально-экономической сфере общества. Для этого, в свою очередь, необходимо знать качественные параметры того общества, в котором мы живем. И вот здесь мы по-настоящему сталкиваемся с проблемой, которую не знаем: нам не известны качественные характеристики современного социума. Количественных характеристик существует огромное множество, и они увеличиваются изо дня в день, а качественных оценок, с которыми можно было бы согласиться и безоговорочно принять вне всякой зависимости от партийной и классовой принадлежности, нет. Речь идет не только о российской общественной науке, но о социальных науках в целом. Тот процесс, который получил название «глобализация», привел к фундаментальным изменениям всех основ социальной и экономической жизни современного человека, но надлежащего осмысления он не получил. Представляется, что пока мы не будем иметь соответствующего методологического аппарата, все усилия по борьбе с коррупцией принесут лишь косметический эффект. Но это ни в коем случае не означает, что к нему не нужно стремиться.

Одна из фундаментальных причин тотального распространения коррупции – патология права. Мало кто из специалистов до недавнего времени обращал внимание на это явление, а оно есть, существует и развивается. В самом общем виде под патологией права следует понимать уродливое отклонение от права, противоречащее общим принципам и самой сущности права как формы существования признанной обществом и охраняемой государством справедливости, закамуфлированное в то же время под право. Мы специально обращаем внимание на гипертрофированность патологии, так как отклонения от права есть и будут, но есть граница меры качественной определенности, за которой патология становится нормой, но уже нормой неправа.

В то же время наличие подобной аномалии правового поля свидетельствует о серьезных деформациях в социальной структуре социума и его социально-экономических основаниях.²⁶

При анализе коррупции как социального явления следует учитывать и то, что она более долговечна, чем общеуголовная преступность. Это объясняется тем, что она, во-первых, как правило, не связана с кровью, хотя последние годы и здесь появились новые, «кровоавые», тенденции. Во-вторых, общественное мнение всегда более терпимо относилось и относится к фактам коррупции, нежели к фактам элементарного хулиганства, не говоря уже об убийствах, грабежах и т. д. В-третьих, коррупция всегда носит функциональный, в какой-то мере даже необходимый характер. «Коррупция является абсолютно необходимым и наиболее эффективным способом максимализации прибыли в условиях перераспределения собственности»²⁷. В-четвертых, коррупционеры имеют непосредственные выходы на власть, а иногда они сами являются властью, в том числе по отношению к средствам массовой информации, через которые способны влиять на формирование общественного мнения.

Таким образом, коррупция как элемент организованной преступности стала в нашем обществе одним из самых опасных факторов, деформирующих одновременно и личность, и общество, и государство. Сегодня она выступает не только как средство легализации социального статуса или, напротив, формализации в качестве собственника экономического ресурса посредством подкупа или взятки. Коррупция превращается в качественно новый

²⁶ Самигуллин В. К. Право и неправое // Государство и право, 2002, № 3, с. 5–8.

²⁷ Козлов Ю. Г. Коррупция: криминологические и социально-политические аспекты // Право, 1998, № 1, с. 13.

социальный феномен, в границах которого происходит сращивание административного ресурса государства и принципов организации криминального мира; вытеснение организованных социальных форм параллельной несоциальной или, точнее, асоциальной формой «серых зон неправа»; смещение границ дозволенного и должного в сторону уже нечеловеческой в моральном отношении мотивации преступного поведения, причем нередко закрепляющейся в недалековидных законодательных, т. е. формально-правовых, актах. Поэтому всестороннее и глубокое изучение причин и параметров функционирования коррупции в России представляется насущной и актуальной задачей научного исследования и практической деятельности.

Предваряя раскрытие основного содержания исследования, представляется необходимым сделать некоторые, с нашей точки зрения, методологически важные, предварительные замечания.

Существует мнение, что при определении параметров коррупции наблюдается следующая корреляция: собственность определяет в качестве одной из своих функций власть, в том числе политическую, и, напротив, политическая власть способна формировать необходимую для ее жизнеобеспечения функцию собственности. Следует доказать, что в данном определении, как и во всей либеральной конструкции, отсутствует понимание того, что подобная взаимозависимость нецелесообразна, так как в ней отсутствует факт того, что властью, как и собственностью, обладают конкретные люди, индивидуально или коллективно.

Устоявшимся считается понимание коррупции как формы преступной деятельности, связанной со злоупотреблением служебным положением в корыстных индивидуальных или групповых интересах. Требуется доказать, что, являясь в действительности феноменом социальной девиантности, коррупция в современных условиях – объективный процесс экономических интегративных и межсистемных социальных отношений, капитализация, распространившая свое влияние на иные подсистемы социетального общества.

Считается, что собственность и рынок гарантируют свободные отношения личностей, личности и общества, членов гражданского общества и государственной бюрократии. Требуется доказать, что превращение властных государственных отношений в товар, а системы властных отношений в рыночные, во-первых, превращает в товар исключительное право государственной власти на насилие; во-вторых, превращает в товар носителей системы социальных отношений, т. е. граждан, и, в-третьих, учитывая, что капитализация, отрицая свободную рыночную экономику, формирует монополию, ее следствием в государственной системе становится монопольное, олигархическое право узкогрупповых корпораций на собственность государственного административного ресурса.

И, наконец, в первом приближении необходимо особо подчеркнуть, что механизмом реализации постулированных процессов и выступает коррупция как форма соединения собственности и власти на основе капитализации ее субстанции и функций.

Злоупотребление правами возможно там, где игнорируются обязанности. Собственность на права – источник должностных преступлений власти; собственность на право – источник административного произвола. В параметрах государственной собственности – в интересах бюрократии; при господстве олигархической собственности – в интересах корпоративной группы. Ни в одном из отмеченных вариантов о соблюдении прав личности и гражданина речь не может вестись по определению.

Особенно важно иметь в виду следующее обстоятельство. Первоначальное накопление капитала являлось объективной закономерностью перехода от феодальных отношений к капиталистическим. При этом экономические процессы разворачивались для субъектов капитализации без сознательного теоретического обеспечения. Сегодняшняя капитализация общества и личности на основе коррупционизма – сознательный выбор хозяев экономического ресурса (транснациональных корпораций и властных государственных олигархий).

Актуальность проблемы борьбы с коррупцией, цели и задачи исследования, основанные на широком методологическом базисе общенаучного и социального знания, определили характер предлагаемой работы и ее внутреннее строение. Исследование разворачивается от всеобщего через особенное к частному: раскрытие сущности изменения всей правовой реальности и действия социально ориентированно универсальных криминогенных детерминант позволяет глубже уяснить системные качества коррупции как социального феномена, выявить тенденции ее динамики и определить параметры, за пределами которых социум оказывается в полосе деградации.

Социальная трансформация и изменение правовой реальности

Рассмотрение проблем коррупции, как и преступности в целом, с точки зрения исторического контекста развития системы научного знания, как, впрочем, и анализ практически любого иного социально значимого феномена, невозможно вне изучения процесса глобализации как актуализирующегося поля универсального процесса социальных изменений, правомерно определяющегося сегодня как категория социальной трансформации.²⁸ «У современной истории – очень плотный график. То, что раньше длилось столетиями и десятилетиями, сегодня длится мгновение».²⁹

В системе познания влияние глобализации достаточно велико, так как оно воздействует на ядро методологии – субъективную исследовательскую позицию. Это относится как к сферам наиболее общего уровня познания: социально-философского, философско-правового³⁰, так и теоретических отраслей знания, таких как теория государства и права и криминология³¹.

Проблема состояния и изменения преступности в условиях глобализации является актуальной уже в силу того, что раскрывает один из аспектов разворачивающегося в границах современного мирового человеческого сообщества универсального процесса социальной трансформации. Вопрос состоит не только и не столько в определении в рамках предлагаемого исследования параметров и результатов трансформационных перемен в целом, сколько в анализе тех возможных следствий, которые для современной формы организации человечества и его конкретных форм существования, таких, как локальные цивилизации, культуры или национальные государства, могут быть негативными.

Преступность относится к тем социальным феноменам, действие которых по сути отрицательно, но функциональное взаимодействие которых с субстанцией социального организма не исчерпывается негативом. Являясь выражением действия определенных сторон социальных противоречий и проявляясь в параметрах социума как общая закономерность его функционирования и развития, преступность в то же время обозначает участки социальной реальности и механизмы государственного регулирования системы общественных отношений, которые уже (или еще) не пригодны обеспечивать нормальное социальное движение. Фактически, определяя состояние и уровень преступности того или иного обще-

²⁸ Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского исследования. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. – М., 2000; Карасев В. И., Васьков А. Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. – М., 2002, и др.

²⁹ Назарбаев Н. А. Критическое десятилетие. – Алматы, 2003, с. 9.

³⁰ Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994; Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1999; Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М., 2001; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2000; Фурсов А. И. Колокола истории: В 2 ч. – М., 1999, и др.

³¹ Бураков В. Н., Гилинский Я. И., Шестаков Д. А. Российская криминология в конце XX столетия // Правоведение, 1999, № 3; Гилинский Я. И. Теоретические проблемы социологического исследования преступности и иных антиобщественных проявлений. – Л., 1983; Его же. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001, № 3; Иншаков С. М. Криминология. Учебник. – М., 2000; Овчинников Б. Д. Вопросы теории криминологии. – М., 1982; Орехов В. В. Понятие и измерение преступности // Криминология. Общая часть. Учебник. – СПб., 1992; Раска Э. Борьба с преступностью и социальное управление. – Таллин, 1985; Резник Г. М. К вопросу об определении понятия «преступность» // Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью. – Владивосток, 1986; Спиридонов Л. И. Социология преступности. – М., 1978; Его же. Феномен преступности // Криминология. Курс лекций. – СПб., 1995; Шестаков Д. А. Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), и др.

ства, мы в состоянии определить точки «социальной инфекции», источник общественной дисфункциональности, но тем самым и «ворота» в будущее, через борьбу с негативным и сознательным конструированием позитивных структур, функций и механизмов их обеспечения в социальном поле.

Особенностью социальной реальности сегодняшнего дня является факт становления в условиях существования различных по форме структурной организации, уровню материальной и духовной культуры, сферам социопро пространственного влияния культур, цивилизаций и национальных государств, формирования иного по своему характеру и строению социального качества, содержание которого уже не вмещается в существующие социальные границы. Первой из ряда возможных проявлений этого универсального процесса стала глобализация, фактически выступающая как его предпосылка в становлении материально-предметного основания и экономического механизма запуска соответствующих закономерностей и механизмов их реализации в иных социально-исторических условиях.

Таким образом, первым уровнем, в рамках которого возможно исследовать поставленные в работе задачи, является сфера изменения социальной реальности как фундаментальное условие и среда трансформационных преобразований социальных феноменов, в том числе преступности, в контексте глобализации.

Категориальный смысл понятия социальной трансформации распространяет свое влияние уже не только на философски-абстрактное описание окружающей действительности, но и на теоретические обобщения социальных наук, таких как социология, политическая наука, юриспруденция. Непосредственную практическую актуальность его исследования рельефно очерчивают настойчивые попытки найти эффективную модель реализации существующих тенденций социальной реальности в перспективах уже недалекого будущего.³²

Вместе с тем необходимо отметить, что до настоящего времени, несмотря на активное использование самого термина, практически все авторы вкладывают в понятие социальной трансформации только субъективно присущее их исследовательской позиции видение. Общепринятого содержания категории пока не существует. Точнее, оно уже есть в системе социально-философского знания, но еще не получило общеупотребительного значения.³³ Это порождает в некотором смысле хаотическое распределение смыслов в границах, казалось бы, единой системы отсчета. Практически все исследователи подходят к пониманию того, что трансформация – это процесс, инновационным смыслом которого является рождение нового применительно к обществу социального качества. Более широко – появление новой социальной системы. Однако именно здесь возникает проблема, так как социальное качество или социальная система выступает у разных авторов в различных логических объемах. Если прибавить к этому многоуровневость и разноплановость исследовательских приемов, каждый из которых претендует на исчерпываемость и окончательность, то проблема становится по крайней мере трудноразрешимой в приемлемых для сторон консенсусных вариантах.

Поэтому, как и в любом процессе становления новой системы отсчета в научном знании, здесь калейдоскопичность накопления достаточного фактологического материала еще ожидает либо момента сознательного выхода на позиции качественной определенности в теоретических обобщениях социальных наук и философской рефлексии, либо бифуркационного скачка в ее становлении, безотносительно к авторским амбициям. Ситуация социальной реальности требует нового знания, и оно несомненно будет получено и использовано в

³² Карасев В. И. Государство, общество, личность: К теории становления социумов. – М., 2000; *Его же*. Феномен политического лидерства. – М.; Воронеж, 2000, и др.; Мельвиль А. Ю. Трансформационные транзиты в политической сфере постсоветской России. М., 1999; Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2000; *Его же*. Третья волна. – М., 2000; *Его же*. Метаморфозы власти. – М., 2001, и др.

³³ Карасев В. И. Социальная трансформация как предмет философского анализа. Дис. ... докт. филос. наук. – М., 2000.

практике управления общественными процессами в условиях глобальных изменений течения социальных процессов. Однако уже сейчас можно определенно утверждать, что успешная реализация сказанного будет возможна только тогда, когда процесс глобальных изменений можно будет описать как частный случай изменения как такового, т. е., при условии создания единой системы отсчета, в границах которой все сегодня не определенное займет свое законное место на исторической шкале исследования социальных изменений.

Существует точка зрения, что глобализация, понимаемая как всеохватывающий интеграционный процесс на базе финансовых и технологических достижений западной цивилизации, выступает ведущей тенденцией современного развития. Проблемы определения и раскрытия существа таких категорий современного научного знания, как социальная трансформация, ее политическая составляющая, модернизация или правовые инновации, сегодня неотделимы от содержания этого всепроникающего процесса социальных изменений. Такие исследователи, как А. Тойнби, К. Ясперс и Э. Тоффлер на Западе³⁴, П. А. Сорокин, А. С. Панарин и Ю. В. Яковец в России³⁵ теоретически предвосхитили и частично описали параметры глобальных метаморфоз в их прогрессивной или циклической форме. Но нашему поколению приходится жить в условиях проникновения феномена глобализации в повседневную жизнь, а, следовательно, проблема глобализации как формы проявления в частично социальном контексте современности трансформационных изменений для нас актуальна в геометрической прогрессии.

Однако, с нашей точки зрения, во-первых, пока об этом как о главной тенденции мирового развития говорить преждевременно. Нельзя выводить функцию из неопределенного аргумента. Во-вторых, корректность исследования диктует необходимость говорить, по крайней мере, о трех центрах тенденции, в основании которых лежат свои ресурсы интеграции, например, западная культура и евро; американские финансы и доллар; азиатские наркотики и йена. Наконец, в-третьих, прежде чем делать обобщающие выводы, необходим исторический, логический и структурно-функциональный анализ процесса глобальных перемен с тем, чтобы понять, является ли он носителем восходящей или нисходящей линии социального развития современного человеческого сообщества.

Стремление выразить сущность нового информационного общества вылилось в целый калейдоскоп определений. Дж. Лихтхайм говорит о постбуржуазном обществе, Р. Дарендорф – посткапиталистическом, А. Этциони – постмодернистском, К. Боулдинг – постцивилизационном, Г. Кан – постэкономическом, С. Алстром – постпротестантском, Р. Сейденберг – постисторическом.³⁶

Очень важным представляется вопрос о том, кто задает направление социальному и политическому развитию в новой сфере. Ведь правительство является лишь одним из

³⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991; *Его же*. Цивилизация перед судом истории. – М., 1996 и др.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994; Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2001; *Его же*. Футурошок. – М., 2001; *Его же*. Метаморфозы власти, и др.

³⁵ См.: Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992 и др.; Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. – М., 1998; Панарин А. С. Философия политики. Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 1996; Панарин А. С. Вторая Европа или третий Рим? Избранная социально-философская публицистика. – М., 1996; Панарин А. Россия между атлантизмом и евразийством. Цивилизационный процесс и вызов Запада // Российская провинция, 1993, № 1 и др.; Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. – Рязань, 1996; Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы. Научный доклад к V междисциплинарной дискуссии. – М., 1992; *Его же*. У истоков новой цивилизации. – М., 1993; *Его же*. История цивилизаций. – М., 1995; *Его же*. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М., 1999, и др.

³⁶ Дэйзгард У. Наступление информационного века // Новая технологическая волна на Западе, с. 344; Элльоль Ж. Другая революция // Там же, с. 147; Кан Г. Грядущий подъем: экономический, политический, социальный // Там же, с. 175; Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Там же, с. 410; Этциони А. Масштабы повестки дня. Перестраивая Америку до XXI века // Там же, с. 293; Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Там же, с. 330, и др.

ведущих участников этого процесса. Другие важные роли распределены между предпринимателями, рабочей силой, финансовыми кругами и университетами. В силу своей особой сложности процесс требует нового понимания взаимоотношений между технологией, экономикой и социальными потребностями. Политика в области информации и коммуникаций связана с фундаментальными проблемами человеческой личности и ее ценностями. И думать здесь нужно не столько о каких-то конкретных программах и методиках, сколько об общей системе, в рамках которой информация влияет на плюралистическое общество. Нынешние демократические режимы благоденствуют лишь тогда, когда между их гражданами существует более или менее прочный консенсус. С ростом темпов изменений представляется необходимым коллективизировать разум общества, но не централизованными авторитарными методами, а развивая диалог на коллективной информационной основе, ведущий к консенсусу относительно стратегии выживания и благосостояния как индивидов, так и общества.

Различное видение современными мыслителями хода и перспектив исторического процесса, при всей разноплановости и многоуровневости исследовательских позиций, в интегрированном виде позволяет сделать теоретическое обобщение о том, что **в любом из возможных для социального контекста современности случаев процессы социальных изменений перерастают национальные и системные границы отдельных таксонометрических единиц структурного множества, составляющего сегодня собирательное понятие человеческого сообщества.**

Более того, если этот первый вывод отражает границы происходящих социальных изменений, то второй может содержать в себе понимание их глубины и сложности. Речь идет о транссистемном характере рождения нового социального качества, а фактически о тенденциях формирования новой модели сообщества, которое перерастает не только границы локальности в пространстве, но и границы социальности в понимании качественной определенности складывающегося инновационного феномена. Назвать новое сообщество социумом, употребляя традиционное понимание данной категории, становится по крайней мере не совсем корректным.

Следовательно, на современном этапе исторического развития происходит реальная трансформация человеческих сообществ. До тех пор, пока кластеры изменений циркулируют в пределах локальных культур или цивилизаций, они имеют форму системной социальной трансформации, но при переходе к процессам кросскультурного масштаба трансформация становится универсальным феноменом и магическим ключом к управлению планетарным изменением. При этом форма, возможно, одна из первых в последовательном ряду сменяющих друг друга форм, универсального трансформационного процесса и есть глобализация.

Глобализация, таким образом, – категория, параметры которой в системе современного знания трудно определить. С одной стороны, по своему содержанию она практически так же широка, как основные понятия процесса социальных изменений. С другой стороны, феномен глобализации многогранен. Он затрагивает все области общественной жизни, включая такие сферы, как экономика, политика, социальная сфера, идеология, культура, наука, право, экология и др. Процессы, которыми сопровождается глобализация, еще только разворачиваются, основной своей частью располагаясь в области чистого, а не наличного бытия. Они проявляются чаще всего не как доминанта, а как тенденция. Общественному сознанию еще предстоит адаптироваться как к выходу основных процессов жизнедеятельности за привычные границы государств, так и к имеющему место сжатию исторического времени. Так, если на ранних этапах становления современных цивилизаций материальная и культурная среда обитания человека менялась приблизительно за тысячелетие, а затем за 200–300 лет, то к

началу XXI века этот срок сократился до 20–30 лет, т. е. оказался соизмерим с так называемым циклом смены поколений.³⁷

Глобализация предстает в исследовательском дискурсе и как феномен, проявляющийся в человеческом сообществе сущность универсального процесса социальной трансформации, основные качества и свойства которого в современных условиях находятся еще в состоянии чистого, а не наличного бытия. Такая позиция приводит к выводу о том, что основная сущность процесса глобальных социальных изменений недоступна прямому познанию, проявляясь в действительности лишь отдельными свойствами, отражая, с одной стороны, сложившуюся необходимость, с другой – уровень становления участвующих в процессе субъектов и объектов и их возможности осознания собственной системности. Причем в качестве субъектов выступают различные страны (национальные государства и их реальные ресурсодержатели, такие, как ТНК), надгосударственные образования цивилизационного уровня (Евразия, Европа и США, Япония и страны «третьего мира» и т. д.) и исторические культуры.

С точки зрения реализации универсальной социальной трансформации они же выступают как объекты управляющего воздействия изменяющихся законов становления и развития социосферы.³⁸ Да, изменяющиеся законы, уже не только функционирования наличной системы человеческих сообществ, но и сборки новой системной целостности, проявляются через деятельность людей. Но каких людей? Осознающих происходящее и готовых взять на себя бремя ответственности за возможные скоординированные решения или, подобно тоффлеровским амебам мгновенного реагирования, действующим так, как диктует сиюминутная экономическая или любая иная выгода, без оглядки на следствия?

Более того, представляется, что субъектная и объектная стороны исследования проблемы дискурсивно еще сложнее. Верно подмеченная фрагментарность проявления глобализации³⁹ объясняется рядом важных причин. Во-первых, процесс идет для одних его участников как распространение собственного образа жизни, экономических оснований деятельности и духовных ценностей. Для других – в качестве процесса насильственного вторжения в их суверенные права относительно отмеченных сфер. Третьи стороны, например, трайбалистски организованные африканские страны, вообще представляют происходящее по-иному. В странах ареала ядра современной постиндустриальной цивилизации, странах периферии и кольца «современных варваров» глобализация в действительности реализуется не только в различной географической, культурной или ментальной среде, обозначенной формальными национально-государственными, национальными или конфессиональными границами, но и в различных исторических временах, культурных контекстах, семантически-символических полях возможной степени индивидуального и массового осознания глобального процесса перемен.

Таким образом, глобализуются все «этажи» структурной организации современного человечества, но, и это представляется чрезвычайно важным, по своим имманентным законам функционирования и развития и в меру собственного мировосприятия. Каждая из субъект-объектных форм универсального трансформационного процесса в то же самое время является внутренне сложноорганизованной социальной системой, поэтому включение в гло-

³⁷ Глобализация мировой экономики и проблемы развития России / Под общ. ред. В. Д. Кривова. – М., 2001, с. 3.

³⁸ С этой точки зрения, а процесс перемен делает ее априорной, хотя и небесспорной, попперовское отрицание законов социального развития сыграло и еще в значительной степени сыграет «злую шутку» с западной цивилизацией. Ее аналитикам в принципе не доступен уровень оперирования с такими обобщениями, которые только и в состоянии описать трансформационные проявления и спрогнозировать их прямые и отдаленные последствия. Строительство, причем агрессивно-варварскими методами, мирового однополярного порядка в значительной степени результат узости и однополярности социального мышления техногенноориентированного западного мира.

³⁹ Россия в фокусе криминальной глобализации. – Владивосток, 2002, с. 15.

бальный процесс планетарного уровня и предполагает, и определяется внутрисистемными социальными изменениями в полном категориальном объеме.

Следовательно, определением глобализации в широком смысле может быть следующее. Глобализация – это феномен проявления складывания в недрах конгломерата современных, определенным образом организованных человеческих сообществ качественно новой системы их структурной организации; функция действия законов сборки ее системных оснований, отвечающих новому уровню развития человечества в изменяющихся параметрах биосферы, социосферы и сферы разума; интерактивный транссистемный и кросскультурный процесс эволюционного (естественного и социального) отбора доминирующего субъекта, принципов, форм, методов и способов реализации сущности универсальной социальной трансформации, ее перевода из чистого в наличное бытие.⁴⁰

В узком понятийном смысле глобализация феноменом не является. Она представляет собой процесс распространения техногенных преимуществ ведущего субъекта западной цивилизации – США – путем экономического и внеэкономического принуждения партнеров по ядру и стран периферии на основе монополизации всего цивилизационного сегмента рыночных международных отношений, внедрения психологии массового потребления и западных социальных ценностей.⁴¹ Технологически функцию экономического интегратора выполняет программа модернизации: на экономическом уровне – как система инвестиционно-кредитной зависимости; на политическом – в качестве демократических транзитов.

В пространстве взаимодействия культур и суперкультурных систем в положительном смысле следствия подобной глобализации фактически несущественны, т. е. не несут прогрессивной эволюционной нагрузки со стороны основного субъекта – западной цивилизации; с точки зрения права – они ничтожны. Так, последние события в Югославии, Афганистане и Ираке показали отнюдь не образец политической консолидации, а пример ментальной несовместимости культур и эталон глобального неправа со стороны ведущих государств.

В политической сфере данный вариант глобализации представляет собой банальное притязание одной сверхдержавы на мировое господство традиционным путем присвоения жизненного пространства и ресурсов сообщества, но современными технологическими, информационными и военными методами.

Глобализация в широком смысле отражает вектор развертывания естественного процесса нового витка человеческой истории в границах универсальной социальной трансформации. Следовательно, в параметрах эволюционного движения человеческих сообществ альтернативы ей нет. Проблема состоит в адекватности сознательного ответа человечества на глобальный вызов действия законов формирующейся новой реальности.

Глобализация в узком смысле в лучшем случае может стать материально-техническим и организационным фактором снятия существующих в современном сообществе противоречий и возможностью своевременного запуска новых системообразующих процессов в целокупности социальных отношений применительно к взрывной технологической и информационной инновации. Однако современная практика, параметры, направление и формы реализации глобализации в узком понятийном смысле фиксируют иное.

Политическая воля лидеров западной цивилизации, отражая коренные интересы реальных собственников ресурсов экономического и политического процессов как внутри

⁴⁰ Приходится констатировать, что перевод сущности новой системы из чисто го в наличное бытие закономерен для развивающихся современных социальных систем. Но он, во-первых, вероятностен, а не императивен, и, во-вторых, поливариантен в возможных формах своего проявления, причем, как сегодня уже можно себе представить, не все формы одинаково жизнеспособны и прогрессивны.

⁴¹ С нашей точки зрения, назвать их духовными ценностями не представляется возможным. Утилитаризм массового западного сознания превращает его в массовую психологию по определению.

стран ядра, так и на международной арене, не способствует рождению новой системной организации, соответствующей ее техническим возможностям, а консервирует сложившуюся в международных отношениях «систему-тень» частнособственнического капитализма, где в роли частных собственников с притязаниями на мировые ресурсы выступают национальные государства (США), их наднациональные объединения и сама западная цивилизация как суперкультурная система.

Следовательно, в границах данного варианта глобализации закономерно возникают силы противодействия, реализующие себя практически по всему отмеченному спектру силового воздействия со стороны постиндустриализма в его западной форме. Это антиглобализм как защита национально-государственного суверенитета в политическом пространстве, как отпор посягательству на экономическую самостоятельность, как отстаивание права на культурную, в том числе конфессиональную, самоидентификацию. Насильственное упрощение социального и духовного пространственного и исторического сложноорганизованного континуума человеческого бытия порождает соответственно системное противодействие. Проблема заключается еще и в том, что вектор данного противодействия складывается с вектором противодействия западному варианту глобализации действия законов эквипотенциальной системы будущего, так как глобализация в узком смысле, консервируя и усиливая адаптивную систему капитализации, препятствует их развертыванию в наличном бытии человеческих отношений.

Достаточно мощную основу для антиглобализма представляют противоречия внутри субъектов-систем и объектов-систем, вовлеченных в современную форму глобализации.

Вместе с тем рождение нового всегда сопряжено с отмиранием, полностью или частично, старого. Так было всегда. Современность, как, впрочем, и все последовательно сменяющие друг друга структурные уровни организации человеческих сообществ, проявляющиеся в их созидательной или разрушительной деятельности, характеризуется границами ойкумены, т. е. своего потенциального жизненного пространства. **Но сегодня это отличие принципиально, ибо граница – сама социосфера или, возможно, вся биосоциальная и природная среда обитания человека.**

Инновационные изменения, происходящие в границах такого субъекта глобализации, как западная цивилизация, имеют два уровня проявления. Первый, который резко бросается в глаза, – это развитие транспортных коммуникаций и информационных технологий. Однако следствием их развертывания является лишь создание условий для реализации главного качества социальных отношений современной постиндустриальной цивилизации, т. е. складывание ее инфраструктуры. Главным и определяющим выступает громадный рост производительности труда, основанный на предельно возможной капитализации всей сети производственных отношений западного мира. Он перерос границы не только любой мыслимой производственной корпорации, но и национально-государственные рамки современных цивилизованных государств. Это первое приближение к раскрытию сущности основного противоречия постиндустриализма, рождающего процесс глобализации. Во втором приближении можно зафиксировать перерастание производительными силами самой капиталистической формы присвоения прибавочного продукта, как в приватной, так и в государственно-монополистической формах.⁴² И, наконец, в третьем приближении можно говорить о дисфункции современного механизма капитализации как самодостаточного процесса воспроизводства совокупной стоимости вложенного капитала.

⁴² Именно непонимание этого процесса в значительной мере привело организационно-технически развитую форму советского государственного монополизма не к ее преодолению и снятию в качестве существенного общественного противоречия, а к развертыванию вектора капитализации по нисходящей эволюционной ветви – в сторону приватной формы капиталистических социальных отношений.

Речь идет о том, что процесс общественного воспроизводства един по форме реализации: производство – обмен – распределение – потребление – производство. Вместе с тем по ряду существенных оснований он дискретен. Эти основания – природные условия, в которых развивается производство, и, прежде всего, ресурсная база, система разделения общественного труда, ведущим основанием для общественного воспроизводства которой выступает способность человека к трудовой деятельности – рабочая сила, и характер потребления произведенного продукта в его количественном и качественном выражениях, где ведущим фактором является такая сторона общественного разделения труда, как отношение к его результату, т. е. конкретно-историческая форма собственности на средства производства и предметы трудовой деятельности.

Исчерпанность ресурсной базы современной мир-системы (капитализма) доказали Ф. Бродель и И. Валлерстайн.⁴³ Завершенность капитала как главного системообразующего фактора объективации общественных отношений – феномена отчуждения – глубоко и всесторонне проанализировал С. Платонов.⁴⁴ Невозможность для подавляющего большинства населения мира легально воспользоваться священным правом на частную собственность, вопреки цели своего исследования, как границу социальной реализации возможности современного постиндустриализма продемонстрировал на примере стран «третьего мира» и бывших социалистических государств Эрнандо де Сото.⁴⁵

Методологически важным именно для современного прочтения целого ряда внешне разнопорядковых негативных явлений и процессов как внутри западной системы хозяйствования, так и в ответ на ее силовое распространение представляются выводы исследования австрийского ученого К. Поланьи о фиктивной основе функционирования капитализма как экономической системы.⁴⁶

Изложенное подтверждается практически всеми современными исследователями, а **совокупность приведенных положений свидетельствует не только об отмирании ряда важнейших системообразующих механизмов капитализации, но и о том, что их адаптивное распространение на сферы, расположенные вне действия имманентных оснований, порождает всю гамму реакций опоры – практически все негативные явления и процессы современности, умноженные на коэффициент глобализации. В их числе – экспоненциальный рост, разнообразие, усложнение и техническое совершенствование всех видов преступности, прежде всего, в условиях глобализации – транснациональных форм организованной преступности.**

Составной частью социальной действительности является правовая реальность. Как и вся «социальная материя», она испытывает в современных условиях по крайней мере необходимость собственной трансформации в формы существования, адекватные процессу социальных изменений, как в широких границах всего правового поля, так и в сфере борьбы с отклонениями от его параметров, в том числе с преступностью.

Вместе с тем реализация задачи исследования процесса изменения правовой реальности и ее влияния на динамику и иные проявления феномена преступности более сложная, чем процесс исследования взаимодействия естественной среды обитания и ее социально организованной формы – социума. Являясь соподчиненными уровнями действительности, в то же время естественная, социальная и правовая реальности сами выступают как универсальные сложноорганизованные и структурированные системы, обладающие, с одной сто-

⁴³ Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск, 1993; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и тенденций в современном мире. – СПб, 2001.

⁴⁴ Платонов С. После коммунизма. Книга, не предназначенная для печати. – М.: ГПЗ, 1990.

⁴⁵ Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М., 2001.

⁴⁶ Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS, весна 1993, т. 1, вып. 2.

роны, сходными признаками как данная извне объективная действительность, а с другой стороны, имеющие специфические субстанциальные, структурно-функциональные и процессуальные объективные различия и, что методологически важно, различную степень отражения в сознании познающего, соответствующую реальность познающего субъекта.

Каждый из уровней реальности проявляется в исследовании в ноуменальной и феноменальной формах. Как ноумен они суть сущности в себе и для себя, и их верификация – это собственное существование в реальной действительности, тогда как феноменально они существуют в конкретно-исторической форме определенных отношений естественной среды, социального поля или правовой системы. Им соответствуют параметры реальных отношений, закономерности строения, особенности проявления внешних и внутренних закономерностей, функциональное взаимодействие элементов собственной архитектоники.

С этих позиций именно правовая реальность как познавательный объект имеет характерные специфические черты. Во-первых, параметры правового поля уже заданы объективными границами естественного состояния и состояния социальной среды как данностью бытия и условием возможности собственного существования. Законы и тенденции более универсальных уровней организации материального мира являются для правовой действительности абсолютными константами. Во-вторых, правовая реальность, даже в отличие от социальной, дуальна по определению. Если социальная действительность выступает второй природой существования человека, как результат его деятельности, материальной и духовной, в том числе правовой, но в любом случае в сознании личности остающейся, по крайней мере на современном этапе, объективной данностью, то правовое поле в сознании людей воспринимается как исходно субъективное, генерируемое волей определенным образом организованного социального образования. Именно в этой специфической особенности кроются практически все отклоняющиеся модели права, в том числе ряд существующих криминологических гипотез (именно гипотез, а не теорий, доктрин или парадигм, как это стремятся представить сами авторы соответствующих работ). В-третьих, как и капитал в материальном отношении, так и право – в духовном в современных условиях могут определяться как способ организации соответствующего уровня реальности, являющийся его граничной формой. Так, капитал как самоорганизующийся социально-вещественный феномен, в принципе, является последней из возможных материальных форм отчуждения в разделении общественного труда, тем самым снимая с себя и с деятельности как таковой ее социальную оболочку. В равной степени право выступает практически последней, предельно субъективной и рациональной, формой отчуждения в духовной сфере. Именно в силу этого оно воспринимается как наиболее отдаленная от границ социальной реальности данность, но, в силу крайнего субъективизма собственного состояния, правовая реальность в тенденции все в большей степени пытается реализовать себя не как социальный, а как естественно-природный фактор жизни человечества.

Как диалектическое единство и противоположность материального и духовного начал в познании объективного мира, как объективная дуальность прогресса и отчуждения, развития производительных сил и производственных отношений, диалектически она в исходных принципах своего познания для исследователя проявляется в качестве естественного и позитивного права как реальность правовая. Не абсолютность существования одной из ее сторон, а их доминирование в определенных социально организованных конкретно-исторических контекстах, в окончательном виде – в границах социального поля никогда не разрешимое противоречие, заложенное в отчужденных социальными отношениями формах субъективного восприятия, выступает границей возможного в научном смысле отражения в духовном материального, в правовом – социального.

Для нашего исследования важным является диспозиция объективного и субъективного в праве. В этом объективно заданном параметре и противоречии бытия правовой реально-

сти содержится весь спектр методологического обеспечения реализации сформулированных целей и задач данного исследования. В анализе параметров естественной или социальной действительности объективным основанием всего многообразия материальных и духовных объектов, процессов и их взаимодействий выступают наличные отношения естественного или социального бытия. Даже в социуме, где культура в широком смысле этого понятия или ее конкретная форма – система производства или религиозная конфессия, – будучи созданными самим человеком, как система отношений выступают первичными, объективными для анализа историка, социолога или правоведа.

В теории права первичными являются не отношения, а нормы. Существует доминирующая в теории права точка зрения, что без норм права не существует и правоотношений. Именно последние выступают как субъективное право, тогда как объективным правом является право как закон.⁴⁷ На этом основании некоторые криминологи пытаются представить именно право в качестве источника преступности.⁴⁸

В данном случае налицо ошибка в посылах. К сожалению, это происходит в криминологии – науке, которая тесно смыкается со всем спектром наук о социальной реальности. Подмена понятий заключается в том, что, выступая как объективная, заданная правовая реальность, конкретная юридическая система конкретного общества сама является вторичным, производным от его социальной субстанции, органического строения и общественно значимых функций. В действительности право как система законодательства есть пространство правовых отношений для граждан данного государства. Но именно общество в лице своих членов как совокупность отдельных индивидов обладает реальным суверенитетом, т. е. своеправием, которое облекается посредством формализованных процедур в форму социальных, а не правовых, отношений, тем самым превращая социальную реальность в правовую, а социальные отношения в этой части – в правовые отношения.

Таким образом, источником права как законодательства всегда выступает право как ограниченная часть реального своеправия, т. е. права как отношения, но отношения общественного. Изменение параметров социальной реальности или механизмов проявления законов ее функционирования тем самым становится реальным основанием изменения феноменального в правовых отношениях и формального в праве как законе. Таким образом, очевидна правомерность постулирования того, что право выступает как юридическая форма социальных отношений в своей специфической сфере. И, следовательно, законодательство не в состоянии генерировать формы преступного поведения, оно выступает как механизм потенциального определения части социальных отношений в качестве преступных по формальным признакам, а не по существу. Как историк познает процесс социального развития по его «следам», так и криминолог определяет формы девиантного поведения по признакам, заключенным в социальной деятельности. Закон только формализует этот процесс в познании и актуализирует в качестве юридической практики.

Этот вывод, несомненно важный как для системы познания правовой реальности, так и для юридической практики, подтверждается гносеологически и эпистемологически, в процессе анализа развертывания логического как сущности права в контексте его исторического становления. Именно выводы из данного анализа позволяют с научной достоверностью установить факт взаимозависимости правовой реальности с феноменом преступности и определить потенциальные границы их взаимного влияния.

Возникая как необходимость социального развития, в конкретно-исторических условиях, право формируется как регулятор широкого спектра общественно-производственных

⁴⁷ Теория государства и права. Курс лекций и др.

⁴⁸ *Шестаков Д. А.* Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), с. 18; *Бурлаков В. Н., Гилинский Я. И., Шестаков Д. А.* Российская криминология в конце XX столетия // Правоведение, 1999, № 3, с. 261–268, и др.

отношений в материальной и духовной сферах. Однако по мере развития социальных оснований, его поле деятельности сужается, уступая, с одной стороны, место в системе социальных отношений иным социальным регуляторам и, с другой стороны, формируя собственную правовую среду феноменальности как регулятор специфической части общественных отношений – правоотношений.

Данное обстоятельство приводит к необходимости логического вывода о тесной взаимосвязи правовой реальности как социопространства своей феноменальности с ее отдельными внутренними элементами-феноменами, к числу которых относится и такое социальное явление, как преступность.

Своеправие естественной реальности, изначально заложенное в человеке как родовом существе, ограниченное общественными границами, в правовой реальности проявляется в качестве естественного права, тогда как сама граница качественной определенности социального в юридическом – позитивное право – проявляется в различных формах правосознания как уже объективно заданная реальность, право как закон.

Закономерная дуальность, диалектическое единство и борьба этих противоположностей: биологического и общественного – в индивиде, социального и естественного – в конкретно-исторических формах структурных организаций человеческого общества и их ядре – государстве, с силой исторической закономерности формируют все пространство правовой реальности, как в ее положительных феноменах и процессах, так и в отклоняющихся явлениях, к числу которых относится преступность. «Скованное» естественное своеправие индивидуально эволюционирующего индивида стало, с одной стороны, основанием начала эстафеты эволюции коллективных форм человеческой организации, породив всю их конкретно-историческую гамму: род, племя, фратрия, союз племен, государство, общественно-экономическая формация, культура, цивилизация. С другой стороны, прорывающееся через «социальные оковы» индивидуальное, групповое своеправие выступает одним из потенциальных источников и формообразующих факторов (детерминант) всего спектра негативных следствий взаимодействия общественных и естественных потребностей. Одной из таких форм, социально значимых и общественно опасных, выступает и преступность как социальный феномен в полном логическом объеме данного понятия, проявляющийся как системное конкретно-историческое негативное явление в соответствующем конкретно-историческом контексте социального развития.

Изменение как естественной, так и социальной среды напрямую, например, в условиях природной катастрофы или социального конфликта, и опосредованно, через неправовые механизмы реализации своеправных, противоречащих существующим правовым нормам, потребностей, например, спекуляция в условиях социалистического способа хозяйствования или приватизация в ее аморальных по мотивам и преступным по форме социальных действиях, оказывает влияние на изменение состояния, количественных и качественных показателей преступности. И, напротив, трансформация параметров, а иногда и содержания преступности, становятся отправной точкой в изменении всей системы правовой, а затем и социальной действительности. Так бывает в процессах революционного преобразования общества, или бифуркационных переходах, безотносительно к идеологической оценке, которая в данном контексте нас не интересует. Но так бывает и в ходе перманентных социальных изменений, когда о возможностях изменения в криминальной сфере и, наоборот, о ее влиянии на отдельные аспекты социальной жизни или социум в целом можно судить либо по «следам» такого воздействия, либо по свершившемуся юридическому факту.

Процесс социальной трансформации, принимая глобальный характер, влияет на все сферы социальной действительности. В процессе глобализации мировой системы меняются содержание и характер экономических и социальных отношений; качественные перемены касаются характера и форм проявления преступности, в том числе транснациональной;

изменяются соотношения должного и сущего в человеческом отношении к миру и себе. Так, этическая составляющая и духовность в целом имеют устойчивую и качественно определенную градацию к понижению. Мораль как страж человекаразмерного уровня права замещается безликой рациональностью технологии позитивного функционирования конкретных правовых систем.

В течение XX в. произошла не только интеграция общечеловеческих ценностей, но и их видоизменение. Право и его базовая составляющая – естественное право – не стали исключением из этого правила: под воздействием общецивилизационного развития они приобрели новые, неизвестные ранее черты и свойства. Познание этих свойств составляет одну из проблем философии права. Поскольку право есть сама жизнь, постольку познание динамики цивилизации есть необходимое условие определения истинной «правовой природы вещей», т. е. определения объективной основы права и перевода ее на язык закона.

Одно из главных противоречий современности – противоречие между цивилизацией и природой. Оно достигло предела, и окружающая среда деградирует под натиском растущей антропогенной нагрузки. В самом деле, сегодня существованию цивилизации угрожает уже сама природа, не выдерживающая варварской эксплуатации. Так, человечеству предстоит реагировать на глобальное изменение климата, которое неизбежно последует за неумеренным потреблением природных ресурсов. Человечеству грозит также «парниковый эффект», который явится следствием неконтролируемого выброса в атмосферу углекислого газа. В результате начавшейся деградации природы на планете ежегодно исчезает 10–15 тыс. разновидностей биологических организмов. Это означает, что в следующие 50 лет Земля потеряет от четверти до половины своего биологического разнообразия. В XX столетии уничтожено около половины тропических лесов. Все это ведет к стремительному уничтожению генетических ресурсов планеты.

Не менее остры социальные проблемы. В XX в. возникли тенденции к тотальной дегуманизации общества и личности. Поэтому ныне как никогда остро стоят вопросы о правовых путях выхода из глобальных экономического и экологического кризисов, о новой миссии права, о естественно-правовой ответственности государств, их элит и политических лидеров.

Серьезная глобальная опасность, имеющая внутреннюю связь с экологической, – это углубляющееся неравенство между бедными и богатыми, которое вынуждает 75 % населения планеты буквально бороться за выживание. Но нельзя избавить человечество от этих угроз «в социально несправедливом мире», – отмечалось в материалах Конференции ООН в июне 1992 г. Об этом свидетельствуют такие цифры: с 1972 по 1992 г. совокупный общественный продукт возрос на 20 трлн долларов, но только 15 % этого продукта пришлось на долю развивающихся стран. Каждый ребенок, родившийся в развитой стране, потребляет в 20–25 раз больше ресурсов планеты, чем ребенок в стране «третьего мира».⁴⁹

Сегодня можно утверждать, что обществу необходимо новое видение права в соответствии с изменившимся миром и необходимостью изменения развития цивилизации. По мнению А. К. Черненко, основу нового правопонимания должно составлять естественное право.⁵⁰ Вместе с тем никакого принятия глобальных, своевременных и эффективных правовых программ, которые могли бы быть ратифицированы в качестве норм национально-государственных законодательств, сегодня, к сожалению, не предвидится. Реализовать и даже принять такую программу не просто. Действительно, с методологической точки зрения право выступает здесь в форме «должного», а не «сущего». Понять «правовую природу

⁴⁹ Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию: Информационный обзор СО РАН. – Новосибирск, 1992, с. 5–7.

⁵⁰ Черненко А. К. Философия права. – Новосибирск, 1997, с. 139.

вещей» еще не значит перевести это понимание на язык законодательной регламентации, обязательной для каждой, главным образом развитой, страны.

Практическая реализация всего этого возможна только тогда, когда само право, его содержание и методы его конструирования будут адекватны требованиям современного развития. Соблюдение же этих требований предполагает использование в качестве базисного иное содержательное определение права.

В век, когда темпы и содержание достижений научно-технической революции дают возможность насыщения потребительского интереса, человек в недоумении отмахивается от любых попыток выхода за границы реализации этой возможности.

Вместе с тем тот же процесс стремительного развития системы рационального научного знания рождает большое количество эмпирических фактов, отражающих процессы и явления такого уровня, закономерности и тенденции существования которого в границах рационализма объяснены быть уже не могут.

Следствием первой тенденции является отрицание философского, гуманитарного знания, как не имеющего практического значения при решении прагматических задач материального существования. В результате второй тенденции формируются теократические, сакральные и эзотерические системы вненаучного знания, для которых сила предначертанных свыше установлений также не нуждается в философском обосновании.

Общей качественной характеристикой этого, по сути двуединого, процесса выступает использование разума в качестве активного инструмента потребления. В первом случае речь может идти о материальном, вещественном потреблении, во втором – о потреблении некоторого количества ценностей духовных. При этом потребление как конечная цель деятельности выступает ее первопричиной в поступательном и нарастающем по темпам и агрессивному характеру процессе присвоения действительности, в том числе социальной и антропологической.

Присутствие отмеченного параметра в качестве одного из определяющих аттракторов развития современного человечества делает современность качественно отличной от всего предшествующего периода становления социальной истории. Разделение приоритетов в познании на духовные и материальные присутствует в человеческой деятельности с начала исторического времени. Однако применительно именно к процессу познания оно никогда, во-первых, не отражало потребительского мотива в качестве ведущего и, во-вторых, всегда свидетельствовало о двух гносеологических корнях единого процесса, конечной целью которого являлось освоение всего развивающегося поля материальной и духовной действительности.

Потребление как цель формирует средство своей реализации – техническое оснащение. Техника, усложняясь, создает технологические цепи, нуждающиеся не в своем осмыслении, а в идеологическом обеспечении в качестве рекламы, служащие не для роста потребления и насыщения всевозрастающих по мере развития мира потребностей, а для удовлетворения своих сиюминутных потребностей, навязываемых уже технологиями индустрии услуг.

Последнее утверждение свидетельствует еще об одном качественном изменении в современном мире. Он становится управляемым. Важно отметить, что управляемой становится сама социальная история человечества. Но двигателем этого процесса выступает не сверхзадача, средства достижения которой порождаются высоким уровнем культуры, отражающим познанные закономерности всей совокупности человеческого бытия, а тот же банальный потребительский спрос. Только если потребление мировых олигархов обеспечивается их финансовыми и иными ресурсами, то спрос на товары и услуги для основной массы потребителей формируется самими олигархами на выгодных для реализации собственного интереса условиях.

Здесь снова необходимо обратить внимание на то, что современный период исторического развития человечества характеризуется в числе прочих таким параметром, как глобализация. Глобализация в определенном смысле выступает как конкретно-историческая форма процесса социальной трансформации.

Социальная трансформация имеет, в свою очередь, двойственный характер. С одной стороны, качественные изменения и объекта, и субъекта социальных изменений в границах отдельных таксонометрических единиц сообщества, таких, как культуры, цивилизации или национальные государства, свидетельствуют об исчерпанности их внутренних социальных ресурсов. При этом на одном горизонтальном уровне наблюдается их столкновение по всем функциям, а по вертикали в ходе глобализации одни социальные системы втягиваются посредством модернизации в ареал цивилизационного сдвига, а другие – имеют тенденцию к деградации и распаду в прежнем социальном качестве. Однако этот первый процесс происходит в диалектических границах социального цикла развития.

Дело в том, что социальное движение в ходе реализации целей диалектического цикла пиковой точкой имеет переход спонтанного, биологически обусловленного, движения человеческого сообщества в субъективно управляемые формы социального направленного движения, т. е. прогрессивного развития. С позиции диалектики данная трансформация может рассматриваться положительно.

Вместе с тем попробуем выделить вторую сторону современного процесса социальной трансформации, облеченную в доминирующую социальную форму глобализации. Ее верхней границей является возможность складывания единого человеческого сообщества как рода. Сам данный феномен, с нашей точки зрения, еще находится в субстанциальном состоянии чистого, а не наличного бытия, а его свойства проявляются по большей части спонтанно. Следовательно, можно предположить, что мы имеем дело с возвращением к системному синергетическому циклу, но уже на новом для современного человечества качественном уровне. При этом еще не представляется возможным определить параметры новой системы ни в ее общей структуре, ни в конкретных формах реализации отдельных функций.

С позиций второго процесса ситуация в отношении оценки следствий первой стороны уже не столь отчетлива. Так, переход к управляемому социальному развитию, по сути – к сознательному управлению историей, диктует необходимость преобладания позитивного нормативного права. В свою очередь спонтанное формирование содержания, формы и функций системы более широкого и высокого эквипотенциального уровня предполагает инновацию не опережающего социальную практику сознания субъекта, а адаптивного мышления в условиях качественного изменения характера и границ окружающей среды. В подобных условиях господствующие позиции в философии права и правовой практике должно занять естественное право, однако как рефлексия осмысленное уже с позиций нового качества природы, человека и их отношения.

Складывающаяся в границах процесса глобализации мировая система превращает современную цивилизацию во всеобщую технологию потребления. В данном случае важно уже не то, что это – потребление, а то, что это – технология.

Страны ядра мировой западной цивилизации распространяют идею о том, что именно наличие передовых технологий приведет человечество к невиданным ранее масштабам благосостояния. Это соответствует действительности, но только в той малой ее части, в которой речь может идти о материальном уровне, достигаемом современными способами орудийной деятельности. Функционирование сознания не орудийно, равно как и содержание духовности не поддается количественным оценкам.

Следовательно, если говорить о возможности в современном мире прогрессивной линии развития, то она в действительности касается только технологии как науки о совершенствовании технических средств деятельности и самой техники как результата внедрения

передовых технологий в практику производства и потребления. Это не мало, если иметь в виду развитие одной из сторон человеческого бытия, но невероятно мало, если иметь в виду необходимость совершенствования всей его целокупности.

В человеческом познании есть еще один аспект, который не может быть определен технологически по определению. Это отношение самого субъекта к окружающему его миру: ко всей совокупности материального мира, к иным субъектам и самому себе. Материален мир или субъективен, познаваем или нет, антропоцентричен или космичен (холизм), детерминирован или вероятностен – в любом из этих аспектов человеку необходимо сформировать некую систему ценностей, которая позволяла бы ему ориентироваться во всей сложности и многоуровности системы мироздания и развиваться в качестве человека разумного.

Это мир вечных вопросов, и это путь вечного поиска асимптотически приближающихся к истине ответов на них. На протяжении всего человеческого существования, возможно, никогда не будут даны окончательные ответы, но именно здесь встроена наиболее значимая для человека как родового существа шкала мерностей осознания собственного существования.

Изложенное позволяет говорить о необходимости переосмысления того теоретического знания и социальной практики, которые наработаны в условиях правовой реальности новейшего времени. Достижения современной науки выступают на основе принципа дополнительности тем стержнем, который позволяет существующую форму наполнить относительно новым содержанием.

При формировании уголовно-правового законодательства важным инструментом научного уровня правовой нормы выступает криминологический анализ, в ходе которого определяются параметры состояния и динамики преступности, степень ее влияния на социум и возможность средствами уголовно-правового законодательства и социального контроля сохранить безопасность общественной жизнедеятельности.

Современные криминологические исследования проводятся комплексно на базе ряда смежных социальных и правовых дисциплин. При этом акцент делается на определении преступного поведения в границах девиантности как социального феномена отклоняющегося общественного поведения.

Впервые социологическое объяснение девиации было предложено в теории аномии (разрегулированности), разработанной Э. Дюркгеймом, который считал, что неожиданные упадок и процветание связаны с нарушениями коллективного порядка. Социальные нормы разрушаются, люди теряют ориентацию, и все это способствует девиантному поведению.⁵¹

Основная мысль Э. Дюркгейма о том, что социальная дезорганизация является причиной девиантного поведения, в наши дни считается общепризнанной. Под социальной дезорганизацией понимается «состояние общества, когда культурные ценности, нормы и социальные взаимосвязи отсутствуют, ослабевают или противоречат друг другу».⁵²

Новое выражение теория аномии нашла в понятии «социальных оброчей» Т. Хирши, связавшей отклоняющееся поведение с отсутствием веры и социальных ценностей.

Р. Мертон считал, что причиной девиации является разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения.⁵³

Если концепции социальной дезорганизации рассматривают социальные силы, которые «толкают» человека на путь девиации, то культурологические теории девиации делают акцент на анализе культурных ценностей, благоприятствующих девиантному поведению, по сути, на их культурной мотивации. Селлин подчеркивал, что девиация возникает в резуль-

⁵¹ Смелзер Н. Социология. – М., 1994, с. 207.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, с. 208.

тате конфликтов между нормами культуры. Это обусловлено тем, что интересы группы не соответствуют нормам большинства.

Миллер углубил идею Селлина о взаимосвязи между культурой и девиантным поведением. Он утверждал, что существует ярко выраженная субкультура низшего слоя общества, одним из проявлений которой выступает групповая преступность. Селлин и Миллер считали, что девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры.

Почему лишь некоторые люди усваивают ценности девиантной субкультуры, пытался объяснить Э. Сатерленд на основе понятия дифференцированной ассоциации. Он утверждал, что преступности обучаются. Теория Сатерленда значительно точнее и глубже, чем подсказанная здравым смыслом уверенность в том, что девиация – это результат того, что человек связался с плохой компанией. Криминальная девиация является результатом преимущественного общения с носителями преступных норм.⁵⁴

Клаурд и Оулин указывают на благоприятные возможности, которые открывает девиантное поведение, особенно если оно сулит реальные блага. В некоторых сферах, в том числе преступной деятельности, молодые люди усваивают ролевые модели преуспевающих девиантов, особенно в отраслях организованной преступности, ибо они завоевали материальное положение, престиж и влияние в обществе. Возможности подобного процветания соблазняют людей, особенно имеющих ограниченный доступ к законным способам достижения успеха.

Г. Беккер в своей книге «Аутсайдеры» предложил концепцию, основанную на том, что девиация на деле обусловлена способностью влиятельных групп общества навязывать другим определенные стандарты поведения. «Социальные группы создают девиацию, – писал он, – поскольку они следуют правилам, нарушение которых считается девиацией; кроме того, они навязывают эти правила определенным людям, которым „наклеиваются ярлыки“ аутсайдеров. С этой точки зрения девиация – не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против „нарушителя“». ⁵⁵

Подобного рода концепции названы теорией стигматизации. В отличие от концепций, обращающих основное внимание на особенности индивидов, способствующие девиации, теория стигматизации претендует на объяснение того, каким образом формируется отношение к людям как к девиантам.

Новейшие теории намного более критичны к существующему социальному устройству, они доказывают необходимость исправления не отдельных людей, а всего общества в целом. Так, Р. Мертон классифицирует девиантные поступки, опираясь на анализ факторов, способствующих принятию или отрицанию людьми целей общества, социально одобряемых средств их достижения или того и другого вместе. Согласно этой классификации, конформизм предполагает согласие с целями общества и применением законных способов их достижения; инновация подразумевает признание целей, но отрицает социально одобряемые средства их достижения; ритуализм связан с отрицанием целей и признанием средств; ретреатизм или бегство от действительности имеет место тогда, когда человек одновременно отвергает и социально одобряемые цели и средства их достижения; бунт предполагает отрицание целей и средств, но взамен предлагает новые цели и новые средства.⁵⁶

⁵⁴ Там же, с. 211.

⁵⁵ Там же, с. 213.

⁵⁶ См.: там же, с. 241.

Еще более ярко выраженный политический подход к девиации выбран группой социологов, которые называют себя «радикальными криминологами».⁵⁷ Они отвергают все теории преступности, трактующие ее как нарушение общепринятых законов; утверждают, что такие концепции характеризуют общество как абсолютно единое целое. Согласно их точке зрения, создание законов и подчинение им являются частью конфликта, происходящего в обществе между различными группами. Таким образом, «радикальная криминология» не интересуется, почему люди нарушают законы, а занимается анализом сущности самой законодательной системы.

Вместе с тем законом современного правового становления является тот факт, что в системе сложившихся общественных отношений, и особенно в переходные периоды, появляется возможность идеологически, т. е. с позиций осознанных перспектив развития, обеспечить социально-экономические, политические и духовные аспекты развития членов общества. Отражая коренные интересы социальной стратегии, в которой интегрированно выражаются интересы социальных слоев, страт, групп и индивидов, ориентируясь при этом на системные цели социума, идеология как политическая наука через функции идеологической деятельности и идеологического обеспечения получает возможность определять основное направление социального прогресса.

В то же время как сфера общественного сознания идеология, отражая степень реального развития общественных отношений, следует за политикой, воплощаясь в качестве идеологического обеспечения основных направлений политической стратегии.

Именно такая функция идеологии как идеологического обеспечения представляет собой связующее звено между научной теорией и конкретной преобразующей практикой конкретных деятельных людей.

Во втором случае, когда речь идет о возможности или невозможности создать идеологию как всеобщий интегрированный интерес всех социальных слоев общества, т. е. в качестве общенациональной или государственной идеологии, речь необходимо вести в поле соотнесения иных категорий социальной философии, таких как идеология и право.

Таким образом, изложенное позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, являясь моментом социальной реальности, правовая реальность также вовлечена в универсальный процесс социальной трансформации, все более погружаясь в поток глобализации. При этом закономерности изменения правовой реальности сами выступают как объективная данность для составляющих ее правоотношений, норм и деятельности: правотворческой, правопонимательной и правоприменительной.

Во-вторых, изменение правовой реальности имеет как объективное содержание, так и субъективное осознание происходящего процесса перемен. Глобализация приводит к расширению круга субъектов права, причем как в границах национальных государств, так и в идентификации в качестве таковых самих государственных образований, с чем, в свою очередь, связано расширение всей гаммы правовых отношений и появление новых тенденций в создании правовых норм. Так, в сфере действия международного права распространяется тенденция формирования единого правового поля, т. е. фактически речь идет как о создании единых легитимных наднациональных законодательных органов, так и о принятии правовых, в том числе уголовно-правовых, законов прямого действия, не требующих инкорпорирования в национальные правовые системы.

В-третьих, объективно изменяется роль государства как правового института. Теоретически важным является понимание государства как органа правового обеспечения заявленных правовых притязаний всех социальных групп на базе функционирующего законодательства, что дает возможность в теоретическом плане снять спекуляции по поводу коллизии

⁵⁷ См.: там же, с. 214.

«личность – государство», а в практическом плане создать жесткое и эффективное поле норм императивного действия для всей государственной системы, снижая потенциал организованных форм преступности и коррупции.

В-четвертых, изменяется в качественных параметрах и субъективный фактор процесса глобальных перемен – индивидуальное, групповое и общественное сознание. Для нашего исследования методологически и теоретически важными представляются два следующих момента:

а) изменяющееся общественное сознание отстает от объективного времени социальных изменений, тогда как индивидуальное и корпоративное не только соответствуют ему, но и в некотором смысле при применении результатов в противоправной практике даже опережают. Данная коллизия является существенной детерминантой состояния и динамики современных форм преступности;

б) единственной действительной идеологией государства в условиях глобализации выступает форма функционирующего позитивного права, и любые отступления от требований сформулированного нами правового императива не только нарушают универсальные законы переходных социальных состояний, не только ослабляют потенциал социальной борьбы с преступностью, но могут прямо криминализировать само государство или его отдельные властные институты.

В-пятых, изменение правовой реальности находит свое отражение в системе социальных и правовых наук, оказывая на их развитие значительное влияние. В первую очередь это относится к философско-правовой интерпретации универсального изменения социального поля, границ предмета философии права, правовой теории и правоприменительной системы. Однако центральное место, имеющее важное социальное значение, занимает проблема новых тенденций в самой социальной, правовой, уголовно-правовой и криминологической науках по поводу изменений социального и правового поля в условиях глобализации, наличия коррелятивных связей между универсальным и объективным процессом общественных изменений и состоянием и динамикой современных форм преступности, в особенности таких ее форм, как экономическая преступность, коррупция, наркомания и терроризм.

В-шестых, являясь естественным моментом процесса социальной трансформации, изменение правовой реальности не только несет в себе потенциал осознания его масштабов и мобилизации социально организованного населения на решение качественно новых глобальных задач, но и параллельно выступает объективным источником девиантного, в том числе преступного, социально опасного поведения, инициирует отклоняющиеся и криминализованные формы индивидуального, группового и массового сознания.

В-седьмых, все более расширяющаяся пропасть между заявленными политическими целями национальных государств, методами и темпами их реализации и социальными массовыми ожиданиями приводит к появлению качественно иных форм протестного реагирования, таких, как формирование асоциального характера девиантного поведения и расширение инклюзивного характера формообразования криминальной среды, а строго говоря, рождения тенденции замещения социального образа жизни на криминальный, а социально организованного населения – на асоциальную массу людей.

Отмеченное является свидетельством действительного изменения параметров правовой реальности, и последующие разделы книги могут рассматриваться теоретическим и фактологическим аргументом как в обосновании сформулированного постулата, так и в раскрытии роли социальной трансформации в коррупционной экспансии.

Криминологические границы исследования проблемы

Важное место в процессе исследования коррупции как социального феномена, с общепринятой позиции, принадлежит криминологии, тем более что определенные авторы только этим аспектом и ограничиваются. Между тем само определение преступности сегодня представляется сущностно оспариваемым. В настоящее время оно определяется по-разному представителями различных направлений научного знания и различными авторами. Так, в классической криминологии преступность описывается как социальное явление. «Преступность – это исторически изменчивое, социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных в соответствующем государстве (регионе) за тот или иной период времени».⁵⁸ Она социальна потому, что ее субъекты, как и субъекты, на интересы и отношения которых осуществляются посягательства, – члены данного общества. Причиняемый преступностью вред антисоциален, вносит деформацию в общество, нарушает нормальное функционирование его институтов, упорядоченность отношений его членов. Преступность порождается причинами и условиями, носящими социальный характер.

Преступность не просто статистическое множество, а именно явление. Как всякое явление, оно закономерно по детерминации (причинно-следственной зависимости и связи обусловливания), по взаимодействию с другими социальными явлениями – экономикой, политикой, идеологией и психологией общества и социальных общностей, управлением, правом и т. д.

Преступность – уголовно-правовое явление. Понятие преступления – базового элемента преступности – дается уголовным правом. Учет правовой характеристики преступности при оценке ее уровня, структуры и динамики весьма важен: изменения законодательства в сторону криминализации или декриминализации отдельных деяний сказываются на всех ее показателях.

Преступность – это не механическое множество, а целостная совокупность, система преступлений. Она имеет определенные системные свойства, т. е. устойчивые взаимозависимости преступлений внутри целостности и между ней и другими социальными явлениями. Причем ее элементы – отдельные преступления и их виды, группы – находятся в определенных статистически измеряемых взаимозависимостях и взаимодействиях. Закономерности преступности как социально-правового явления выделяются при анализе ее как целостности.⁵⁹

На современном этапе, под влиянием глобального распространения западной системы ценностей, в числе прочих и в сфере научного знания появились иные прочтения определения сущности предмета криминологического анализа. К современным концепциям можно отнести теорию рационального выбора и рутинной деятельности, концепции жизненной среды и жизненного стиля, теорию контроля Готфредсона и Хирши, неоклассицизм и неоконсерватизм, теорию «разбитых окон» Келлинга и Вильсона; к ранее использованным конфликтным линиям – конфликтам между леволиберальной и правоконсервативной криминологией, позициям детерминизма и волюнтаризма – добавляются новые, связанные с противопоставлением ситуативных и структурно-личностных факторов преступной

⁵⁸ Криминология. – М., 1994, с. 63.

⁵⁹ Там же, с. 63–65.

активности,⁶⁰ развитием административной и карательно-экспрессивной криминал-политики, криминологии, «обыденно-массовой» и «бестиально-сенсационной преступности»⁶¹ и т. д.

По-своему определяют понятие преступности представители «критической криминологии». Опираясь на социологию Э. Дюркгейма,⁶² они сформулировали основной вопрос предмета криминологии: «... следует ли сводить преступность как социальный феномен к совокупности (системе) совершаемых в обществе преступлений (традиционная криминология), или же она представляет собой нечто иное (критическая криминология)».⁶³

В рамках ответа на сформулированный вопрос ряд исследователей подготовили собственные варианты ответов. К представителям критического направления в криминологии можно с той или иной степенью отнести Я. И. Гилинского, С. М. Иншакова, Б. Д. Овчинникова, Э. Раска, Г. М. Резника, Л. И. Спиридонова, А. Н. Трайнина, В. С. Харламова и др.⁶⁴ В их работах о преступности говорится, что это «отклоняющееся поведение, достигшее общественной опасности»,⁶⁵ «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, достигшей степени общественной опасности, определяемой законодателем в уголовном законе»,⁶⁶ «не только совокупность единичных общественно опасных деяний, а социальный процесс, подчиненный общим закономерностям развития социальных явлений»,⁶⁷ «совокупность не отдельных преступлений, а средних величин, демонстрирующих... устойчивость при стабильности общественной системы»,⁶⁸ «процесс совершаемости преступлений»,⁶⁹ «состояние общества, характеризующееся определенными противоречиями в развитии своих составных частей».⁷⁰

Такая направленность характерна для всего критического направления, однако и в его собственной среде мнения относительно статуса криминологии и преступности значительно дифференцированы. Так, согласно В. А. Бачинину, преступление – «одна из наиболее опасных форм деструктивного активизма индивидов и групп, вносящая грубый дисбаланс в

⁶⁰ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? Skizze einer konstruktivistischen Kriminalitätstheorie // *Kriminologisches Journal*, 1997, 29/ Jg., N. 7: 83–155, S. 108.

⁶¹ Garland D. The Culture of High Crime Society // *British Journal of Criminology*, 2000, 40/3: 347–375.

⁶² Дюркгейм Э. Норма и патология // *Социология преступности*. – М., 1966, и др.

⁶³ Шестаков Д. А. Преступность и преступление: нетрадиционные подходы // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), с. 9.

⁶⁴ Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – СПб, 2002; *Его же*. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб, 2004; *Иншаков С. М.* Криминология. Учебник — М., 2000; *Овчинников Б. Д.* Вопросы теории криминологии. – М., 1982; *Орехов В. В.* Понятие и измерение преступности // *Криминология. Общая часть. Учебник*. – СПб, 1992; *Раска Э.* Борьба с преступностью и социальное управление. – Таллин, 1985; *Резник Г. М.* К вопросу об определении понятия «преступность» // *Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью*. – Владивосток, 1986; *Спиридонов Л. И.* Социология преступности. – М., 1978; *Его же*. Феномен преступности // *Криминология. Курс лекций*. – СПб., 1995; *Трайнин А. Н.* Уголовное право. Общая часть. – М., 1929; *Харламов В. С.* Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям участками милиции (по материалам Санкт-Петербурга). Автореф. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002.

⁶⁵ Гилинский Я. И. Теоретические проблемы социологического исследования преступности и иных антиобщественных проявлений. – Л., 1983; *Его же*. Понятие преступности в современной криминологии // *Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации*, 2001, № 3, с. 78.

⁶⁶ Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.), тенденции и социологическое осмысление. – СПб, 2000, с. 79.

⁶⁷ Трайнин А. Н. Уголовное право: Общая часть. – М., 1929, с. 140.

⁶⁸ Резник Г. М. К вопросу об определении понятия «преступность» // *Совершенствование правовых мер борьбы с преступностью*. – Владивосток, 1986, с. 96.

⁶⁹ Овчинников Б. Д. Вопросы теории криминологии. – М., 1982, с. 21.

⁷⁰ Спиридонов Л. И. Социология преступности. – М., 1978, с. 24.

ситуации колеблющегося, неустойчивого равновесия, на которых держится цивилизация».⁷¹ Имея общую деструктивную направленность, преступность выполняет несколько социальных функций внутри цивилизационной системы.

Первая функция отражает возможности преступления в реализации отдельными личностями своих трансгрессивных наклонностей. Вторая функция характеризует способность преступности испытывать прочность и надежность нормативно-ценностных структур цивилизации, заставляя ее постоянно заниматься укреплением своих оснований, поддерживать в состоянии готовности средства сдерживания и блокирования деструктивного напора криминальной среды. Третья функция маркирует недолжные, девиантные линии вероятностного развития цивилизации. Культура рекомендует индивидам через институты социализации и воспитания, системы религии, нравственности и права избирать среди множества вариантов разнообразной социальной деятельности в первую очередь должные и выбраковывать остальные формы деятельности. Но для подобной выбраковки необходима достоверная информация о злокачественности отвергаемых форм деятельности, и в этом смысле преступность помогает ее обозначить. Она обнаруживает нежелательные и вместе с тем реальные возможности трансформаций, скрытые в самой сути цивилизации. Фигура преступника олицетворяет ложные и трагические пути разрешения существующих противоречий социально-исторического процесса.⁷²

С позиции В. Гольберта, «преступным может быть признано лишь то, что определяется в качестве такового в конкретном пространственно-временном и социокультурном контексте. Не исключено параллельное сосуществование и коллизия противоположных взглядов на то, что преступно, а что – нет, и преступно ли или нет то или иное преступное деяние... Однако криминология не стремится встать на позицию древнегреческого законодателя либо средневекового инквизитора – в том-то и состоит фокус, что она должна иметь свои собственные позиции и логику, если уж претендует на статус зрелой науки. Она не определяет, что должно считаться преступным, а с высоты второго порядка наблюдает за тем, как это делают другие; какими мотивами, логикой и критериями они при этом руководствуются, как добиваются общественного признания своих определений... Криминологии не следует рассматривать качество преступности в столь уж неразрывной связи с качествами моральной упречности и общественной опасности. Преступное, т. е. то, что определяется в качестве преступного, не обязательно является общественно опасным... Преступным оказывается не только и не столько то, что представляет объективную опасность для общества с формально-догматической точки зрения, несущей в себе амбиции на осознание и представление объективных интересов всего общества, а скорее то, что представляется опасным для политических и экономических элит с точки зрения их групповых и классовых интересов».⁷³

В границах дефиниций позитивного права определяет свое отношение к преступности Е. И. Кайржанов: «На наш взгляд, преступность – не свойство общества, а приобретенное на известной ступени его развития, присущее, может быть, для определенного этапа или этапов явление общественного характера, или, как уже не раз утверждалось, общественное явление»;⁷⁴ «...признание преступности в качестве естественного свойства человеческого общества способно породить безысходность людей, государства и общества... Вся теория, в том числе наука криминологии, придумана и предназначена в конечном итоге для преду-

⁷¹ *Бачинин В. А.* Философия преступления: классические парадигмы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), с. 29.

⁷² См.: Там же, с. 29–30.

⁷³ *Гольберт В.* Об учебниках по криминологии и криминологии учебникотворчества // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), с. 247–248.

⁷⁴ *Кайржанов Е. И.* Контроль преступности: предпосылка борьбы и предупреждения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба, 2002, № 4 (5), с. 233.

преждения преступлений. Человечество хочет если не уничтожить, то хотя бы уменьшить количество преступлений. И это естественное стремление».⁷⁵

Изложенное убедительно свидетельствует о том, что современный мир во всех своих проявлениях в действительности находится в процессе глобальных перемен и что в числе их субъективных следствий имеет место сдвиг в системе традиционных для последнего времени научных воззрений. Инновационный рывок в естествознании, сопровождающийся многократно усиливающимися возможностями коммуникаций, в том числе посредством расширения зоны действия информационного киберпространства, с неизбежностью породил лавинообразный процесс взаимопроникновения в единый объект исследования предметно-аспектных, методологических и теоретических моделей различных отраслей знания. И, напротив, зачастую субъективная модальность исследовательской позиции искусственно расчленяет единое тело объекта познания на виртуальные поля собственного предметного конструирования.

Таким образом, в целом естественное явление системных изменений в отражении системных перемен реальности, выражающееся в корреляционном процессе интеграции и разделения функций различных эвристических сфер науки, в современных условиях приобретает искусственную, нередко виртуальную, но в любом случае дисфункциональную форму наукообразности, лишенную объективного содержания с предметом исследования. Реальный объект замещается исследователем посредством формирования виртуального предмета (аспекта, не имеющего места быть свойством или стороной данного объекта) на субъективную модель, отражающую не сторону действительности, а внутренний строй спекулятивного авторского мышления.

Положение осложняется попытками использовать методологический инструментарий смежных, и не только, отраслей науки. Особенно это заметно в системе социального знания и не в последнюю очередь – в теоретических отраслях правоведения. Сам по себе, по содержанию и логике архитектоники научного развития, данный процесс также естествен, если в его основании располагаются два методологически важных принципа: 1) принцип Оккама, в этом случае означающий, что нет необходимости применять иные методы, если решению проблемы адекватны уже существующие, и 2) принцип применения методологии посторонних отраслей в целях изучения собственного объекта, который возможен только при наличии необходимого и достаточного уровня владения теми знаниями, в параметрах предмета которых заключается применяемая новая методология. В первом случае имеет место объективная детерминанта процесса познания; во втором – ее субъективная составляющая. Однако обе они суть закономерности познания, их нарушение приводит к негативным следствиям изучения реальности и отсюда – к деформированным методам и механизмам отношения человека с окружающим его миром природы и социальным миром. С учетом того, что изучаемые объекты и процессы имеют тенденцию к глобализации своих параметров и взаимодействий, и того, что прошлое столетие стало началом потенциально возможного процесса сознательно управляемой социальной жизни, погрешности в методе научного знания могут обойтись человечеству очень дорого.

В специфически суженной сфере конкретного аспектно-предметного познания, в отдельной отрасли знания, они попросту заставляют вхолостую работать механизм познания и связанный с ним механизм практической реализации результатов конкретной науки в общественной жизнедеятельности.

В качестве исходной для всей структуры построения соответствующего категориального ряда используем одну из многочисленных, мягко говоря, ошибок представителей отечественного ответвления мировой «радикальной криминологии» – так называемой

⁷⁵ Там же.

«критической криминологии». Так, определяя методологические параметры криминологии как сферы научного знания, профессор Я. И. Гилинский указывает на трудности исследования причинно-следственных связей. «Это, – подчеркивает девиантолог, – обусловлено рядом обстоятельств. Мир очень сложен, взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно сложны и многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить причинно-следственную связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект – как преступность – не имеет естественных границ в реальности, а суть социальный конструкт».⁷⁶

Из данного умозаключения следует бесспорный факт, а именно: в приведенном контексте уместно говорить о предмете научного интереса семантики или герменевтики, но не о социологии, девиантологии или криминологии, объектом которых выступает общество в целом, а предметами соответственно закономерности и феноменология его отдельных сторон: отклоняющегося поведения или преступной деятельности.

Важным методологическим пороком является абстрактная спекуляция на дефинициях. Речь идет о некорректном наполнении понятия не свойственным ему содержанием. Социальным конструктом выступает любое явление, процесс или социальный факт. Поэтому применение данного определения к преступности не является исключением, что подвергает фальсификации всю логическую цепь последующих рассуждений о несостоятельности детерминизма и непознаваемости причинно-следственных связей в криминологии.

В рамках особенностей познавательных возможностей человека любое исследуемое явление выступает двойственным конструктом: во-первых, как субъективно выделенный объект и предмет изучения; во-вторых, как искусственно смоделированная система его отражения в научном знании. Весь объем социального, включая категорию общества как такового, формируется абсолютно тождественным образом. Более того, логически весь объем категории социального есть социальный ноумен, в себе и для себя сущий, и в силу законов природы мышления непознаваемый. Наблюдателю доступна лишь его феноменальная составляющая – та сторона, которая доступна внешнему исследованию. Но феноменальность общественных явлений – всегда имманентный продукт человеческой деятельности, материальной или духовной. Наиболее полно этот факт отражен в определении культуры, соединяющей в себе обе стороны в опредмеченной форме.

Распредмеченно фиксировать данную неразделимую дуальность социальной феноменологии призвана социальная философия, тогда как весь последовательный ряд социальных наук функционально отражает общественные феномены в их предметном различении как системы, подсистемы или даже элементы систем целокупности организационного строения социума в качестве предельно возможного в границах познания социального конструкта.

И если любой познавательный конструкт, как физическая реальность, в действительности имеет фиксированные на данный момент исторического времени границы, например, размеры атома, физические пределы земного шара и т. д., то любой выделенный для исследования социальный конструкт, продукт материальной или мыслительной деятельности субъекта, расположенный в границах заданной физической реальности, условен в своих параметрах по определению. Мы достаточно полно показали это на примере культуры, но это касается всех, в том числе институциональных, социальных явлений. Так, например, реальных, т. е. физических, границ государства также не существует, ибо государственная граница – социальный конструкт – норма международного права, а не физическая реальность. Но системно выделенные или, иначе, отчужденные в понятии, данные социальные конструкты выступают в качестве действительных систем по отношению к составляющим их социаль-

⁷⁶ Гилинский Я. И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности, 2002, № 2 (4), с. 79.

ным конструктам (явлениям и их совокупности) более узкого масштаба, т. е. социального смысла.

Изложенное не является новеллой, его содержание известно как истории философии, так и истории правовых и политических учений. Оно принадлежит познавательному курсу соответственно философии природы, социальной философии и философии права. Следовательно, представляется более целесообразным использовать объективную методологию более широких познавательных систем, чем пытаться соединить предметные поля естественнонаучного и социального знания.

При этом представляется не вполне оправданным более чем свободное оперирование таким понятием, как «научная теория». С одной стороны, в ее содержание произвольно вкладываются любые результаты цитируемых исследований вне зависимости от действительного уровня отраженных в умозаключении явлений и процессов. И это тогда, когда практически все подобного рода аналитические материалы предельно социологичны и отвечают критериям эмпирического обобщения, а не научной теории. С другой стороны, к сфере теоретических столь же необоснованно относятся положения, по определению в ее параметрах не располагающиеся, например, религиозные идеи или философские системы. В русле тенденции снижения общей требовательности к формализованной стороне проведения исследований и их результатов данные моменты существенно усложняют процесс верификации, т. е. критики на достоверность выводов науки, само ее функционирование в параметрах коммуникаций и возможность практического применения результатов.

Вместе с тем необходимо отметить, что как следствие универсального процесса социальной трансформации в целом и глобализации как одной из форм канализации этого процесса в международном экономическом пространстве неизбежно и естественно взаимопроникновение и использование достижений различных познавательных систем с учетом отмеченных принципов возможности их верифицируемого для данной отрасли знания применения. Исключения из этих правил являются лишь их подтверждением, нацеливающим исследователей на создание качественно нового интегративного методологического инструментария, способного рационально и эффективно познавать изменяющуюся, в том числе социальную и правовую, реальность.

Парадокс всей системы современного социального знания заключается в том, что мы практически ничего не знаем о качественных параметрах переживаемого исторического периода, владея только его количественными характеристиками. Это проблема не только частного направления в отдельных науках, но и фундаментальных общественных дисциплин. Поэтому в контексте исследования конкретных криминологических задач мы ставим цель проанализировать их в параметрах философского и социологического знания как единый процесс качественного изменения социальной и правовой реальности. С этой методологической позиции мы будем рассматривать преступность уже в действительности как социальный феномен, структурно, организационно и функционально.

В ответ на вызов универсального закона социальной трансформации, канализирующийся в современных условиях посредством процесса глобализации, преступность изменяется не произвольно, а закономерно, системно. Она проявляется в социальном поле как действие глобальных противоречий становления нового социального качества, но его обратной, негативной стороной. Фактически речь идет о формировании асоциума как границы меры качественной определенности становящейся структуры общества в границах глобальных интерактивных взаимодействий. До тех пор пока действует переходный период, уточнять отмеченные определения представляется достаточно сложно. Однако по мере более полного проявления действия закономерностей нового социального устройства их характеристики становятся более доступными для своего количественного и качественного анализа. Некоторые из них доступны научному исследованию и в настоящее время. Именно их действие

в социальном поле влияния глобализации на общество в целом, состояние и динамику криминогенных детерминант и преступности суть цель и условие нашего исследования.

Наиболее широким дискурсом предлагаемого исследования является социальная реальность, рассматриваемая в процессуальном аспекте как процесс социальной трансформации. Формой процесса универсальных социальных изменений, доступных достоверному знанию, выступает экономическая и социальная глобализация, в свою очередь, имеющая онтологическую, гносеологическую и процессуальную градацию, соответственно по уровню и характеру феноменальных изменений.

Предельно широким объектом является правовая реальность, ее теоретической формой – право как система отношений, норм, правосознания и правовой деятельности. Предметом – закономерности функционирования и изменения преступности, социального феномена, системообразующим принципом всего спектра проявлений которого является формальное определение в нормах позитивного права, т. е. функционирующего национально-государственного и международного законодательства.

Методологический инструментарий составляют философские (в том числе социально-философские и философско-правовые), теоретические и специфически предметные принципы, способы и средства исследования предмета. В их числе: диалектический, синергетический и системный методы; принципы объективности, историзма и верифицируемости; конкретно-социологические исследования, контент-анализ законодательства, генетический и структурно-функциональный анализ закономерностей состояния, функционирования и качественного и количественного изменения содержания и параметров предмета исследования.

Конкретной темой или, иначе, ее доминантным аспектом является ответ на вопрос: имеется или нет коррелятивная прямая и обратная связь между такими социальными феноменами, как глобализация и преступность, в том числе коррупционная?

При ответе на сформированные установочные позиции невозможно обойти вниманием проблему генезиса преступности как социального факта, социального феномена и в том числе социального конструкта.

Критическая криминология опирается на теоретические исследования Э. Дюркгейма в области определения преступности как формы девиантного социального поведения. Один из наиболее последовательных современных сторонников теории социальной аномии Н. Смелзер говорит: «В действительности же, наверное, более разумно считать девиацию такой же „естественной“, или „нормальной“, формой поведения, как, например, конформизм. Попробуем определить девиацию как отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя...»⁷⁷

В данном определении содержится то, что представители критической криминологии не замечают, а именно, речь идет о «естественности» и «нормальности» девиации как социального феномена, а не преступности, тем более что в качестве социального явления ей в рамках критической криминологии отказано.

Однако даже в отношении девиации приведенное Н. Смелзером определение не совсем верно. Как социальный феномен отклоняющееся поведение реально естественно, но оно ни в коей мере не может быть нормальным. В социологическом, а тем более правовом понимании четко определяются объем и содержание понятия «нормы». В отличие от физиологических границ, в социальном пространстве норма есть зафиксированное в определенном правовом или социальном акте отношение, отклонение от которого аномально по определению.

⁷⁷ Смелзер Н. Социология. – М., 1994, с. 202–203.

Но это чисто формальный, хотя и объективно научный, критерий. Вместе с тем содержательная сторона отношения «девиация – преступность» также дает основания сомневаться в корректности выводов сторонников критической криминологии. Преступность как социальный феномен, связанный с нарушением уголовно наказуемых норм позитивного права: а) неестествен и б) аномален. Естественным в преступности может быть только то, что связано с качествами личности, например, состояние аффекта, невменяемости и т. д. Но это отрицается в параметрах отмеченного направления криминологии.

Являясь реакцией определенной группы людей или личности на обрuch позитивного законодательства, преступность выступает естественной как феномен второй, искусственной, т. е. социальной, природы. Естественное же состояние понятие преступности не знает.

Определяясь в отношении сущности преступности, целесообразно поставить вопрос, имеющий отношение к сфере действия закономерностей генетической причинности: что все-таки порождает преступные действия? Независимо от уровня обобщения, от индивидуального до транснационального, эмпирические данные, а не абстрактные умозаключения, с необходимостью высветят следующий ответ: нарушения состояния или механизмов социальной жизнедеятельности общества. Следовательно, в первом приближении можно зафиксировать, что наряду с иными процессами преступность возникает как реакция на эти нарушения, но в специфической, присущей только ей форме.

Такой формой является уже абстрактно выделенный класс явлений – реактивное поведение личности, группы лиц или иной организационной структуры общества, зафиксированное в качестве опасного и несовместимого с общественной свободой деяния в рамках позитивного права, с его законами, нормами и предписаниями.

Может быть, не столь эффективной, но понятной является аналогия с медицинской практикой по отношению к известным заболеваниям и болезненным состояниям еще не квалифицированным как опознанное заболевание. В первом случае медики мгновенно диагностируют болезнь и приступают к ее терапевтическому, а в случае необходимости – хирургическому лечению. Если речь идет о сомнениях, то включается принцип «не навреди», в условиях которого делается все для облегчения состояния, но до тех пор, пока болезнь не квалифицирована и средства не обозначены, врачи не имеют права на необоснованное вмешательство. Но лечат, борются, а не контролируют течение болезнетворного процесса.

Конкретной форме преступности в качестве прямого криминогенного фактора или опосредованного условия предшествует реальная социальная деформация, так же, как в каждом конкретном преступлении его причиной, за исключением некриминализируемых психических состояний личности, всегда выступает аномалия жизненной ситуации или фрустрация самой личности преступника.

Таким образом, если корректно говорить о преступности как о свойстве общества, то это отнюдь не свойство генерировать преступность, а свойство реагировать, в том числе и преступным деянием, на негативные изменения социума, его субстанции, структуры и функции; прекращения действия или запуск определенных социальных закономерностей; сроки и формы кардинальных социально значимых перемен, объективно негативных для личности или общества или представляемых такими на уровнях ментальности, культурной, нравственной или правовой традиции, т. е. так или иначе отраженных в негативном плане общественным или индивидуальным сознанием.

Реакция как свойство – это все же действие, процесс. Совокупность деяний, выраженная их динамикой, – тенденция или тренд. Устойчивый тренд – уже закономерность. Закономерность, проявленная количественно или качественно в конкретном социальном пространстве в определенное историческое время, – явление, состояние, т. е. социальный феномен.

Исследование в контексте современного социопространственного развития состояния социального организма применительно к сфере действия уголовного права, на предмет возможной криминогенности, как детерминант или соответствующих условий происходящих социальных процессов и перемен, с их последующей криминализацией или декриминализацией, но не криминологами, а обществом через изменение функционирующего законодательства, в принципе, и есть предмет криминологии как сферы научного знания.

Необходимо отметить, что с данной методологической позиции криминолог – не врач, ему неподвластно ни терапевтическое, ни оперативно-хирургическое вмешательство. Он – фармацевт, который на основе исследования болезни, ее причин и знания свойств лекарственных средств предлагает практикующему врачу, после специальной формальной процедуры, возможности для эффективного лечения. Здесь нет ни тени умаления или, напротив, защиты исключительности ни криминологии, ни уголовного права – это технологизм их взаимодействия и взаимообусловленности в границах одного объекта – правовой реальности, но со спецификой предмета и методологии исследования, а также поля применения результатов.

При градуировании шкалы уровней и форм проявления и функционирования преступности несомненно важным представляется соотношение источника личностного (индивидуального), не обязательно девиантного, преступного поведения и структурированного как групповое, ассоциативное, организованное, массовое.

Представляется, что здесь необходимо расширить границу анализа до естественных границ существования человечества как рода. С возможностью перехода от присваивающего к производящему способу ведения хозяйства в связи с первыми крупными разделениями общественного труда эпохи неолитической революции появляется избыточный, а не необходимый, продукт, который дает начало собственно социальной форме существования человечества введением в действие механизмов реализации ее доминант – общественного разделения труда и собственности, как отношению к результату трудовой деятельности. С этого времени все формы хозяйственной жизнедеятельности и систем их социального, политического и идеологического обеспечения строятся на прочной основе запущенных экономических механизмов.

Следствием разделения общественного труда и дифференциации собственности становится и складывающееся право во всех его исторически известных формах. Собственно, несмотря на рассуждения критиков традиционного криминологического анализа о невозможности найти общий классифицирующий признак для каждого из имеющих место конкретных преступлений, отметим, что каждое преступление, за исключением оговоренных в законодательстве случаев, имеет конкретную причину, но, что намного важнее, истории государства и права с древних времен известен и перечень виновных деяний, практически всегда входящий в перечень преступных. И в обычном праве доистории, и в первых законах египтян и царя Хаммурапи, и во всех уголовных кодексах от Юстиниана до Уголовного кодекса Российской Федерации любые формы покушения на жизнь, здоровье и собственность действительных граждан данной формы организованного сообщества фиксируются как преступные. Различны лишь степень и формы определения виновного деяния и размер соответствующего наказания.

С этой точки зрения можно сказать, что **определенные противоречия социального развития на каждом историческом уровне порождают ту форму отчуждения личности от ея же в качестве совокупного законодателя созданной системы социальной и правовой реальности, которая порождает конкретно-историческую форму реакции на ее преодоление.**

В естественном состоянии преступность существовать не может. Попытки Д. А. Шестакова и всей критической криминологии представить дело иначе относятся уже

не к сфере нормального отношения к реальности, а, по меньшей мере, к аберрации научного взгляда представителей этого направления. Естественное состояние человека своеправно, так как, и именно в силу этого факта, не ограничено никакой совокупной или индивидуальной силой, кроме как силой такого же эволюционирующего по законам естественного отбора индивида.

С переходом на различные стадии социального состояния своеправие индивидуума все в большей степени ограничивается своеправием иных социальных субъектов и, в конечном счете, общественным договором, частным случаем которого в современной истории выступает конституционное право. Таким образом, противоречие между естественным своеправием, заложенным в человеке как родовом существе (он может все), и сначала личностью, ограниченной другими личностями гражданского общества, а затем гражданином, скованным броней не только взаимных прав, но и гражданских обязанностей, превращается в объективно существующее основание неправового, аправового и противоправного поведения и действия.

Но это только первое приближение к ответу на поставленный вопрос. Следующий аспект лежит в плоскости взаимодействия личности (индивида или гражданина) и социальных конструктов коллективного уровня организации.

Причем предлагаемый к рассмотрению аспект так же, как и выделенный ранее, внутренне противоречив, дуален. Его сфера проявления охватывает весь ареал пространственно-временных ассоциаций человечества в его единстве как родовом существе, с различием отдельных видовых отличий не по индивидуальным особенностям, включая интеллект, а по организационной структуре, определяясь в своем развитии на эмерджентную целокупность каждого структурно организованного человеческого сообщества.

Русский ученый Н. Н. Моисеев, следуя научным воззрениям В. И. Вернадского и Л. Н. Гумилева, ввел в научный оборот понятие «мезолитическая революция».⁷⁸ Оно связано с представлением о цикличности исторического процесса и периодических глобальных кризисах или, как определяется в теории сложных самоорганизующихся систем, бифуркациях, меняющих его поступательный ход, содержание, характер и формы.

Важным выводом из этой теории является гипотеза, которую практически вся последующая история и особенно современность превращают с силой закономерности в действительную теорию, хотя она до сих пор не является широко распространенной в среде исследователей социальных отношений, – о переходе эстафеты процесса эволюционного развития человечества от индивидуума к коллективу.

Веер возможной качественной смены научных, в том числе парадигмальных и историко-софских, воззрений на всю систему социальных отношений настолько велик, что эта тема нуждается не в одном специальном исследовании. Для нас представляется важным тот факт, что внутренняя коллизия, продиктованная исторически сформировавшимся отчуждением человека в качестве гражданина от самого себя в качестве индивида (родового существа), дополняется еще более сложным и объективным противоречием между личностью и конкретно-исторической формой общества, его государственного устройства и политического режима.

Логика, развернутая в пространство исторической ретроспективы, неумолимо свидетельствует, что возникновение государства означает не только общепринятую модель, в которой оно посредством позитивного права реализует оптимальные возможности и естественные права личности и гражданина, но формируется как регулятор эволюционного развития коллективных форм человеческих сообществ. Возникновение, функционирование и развитие конвиксий, консорций, цехов, страт, классов, наций, государств, меж- и надгосу-

⁷⁸ Моисеев Н. Н. Мировое сообщество и судьба России. – М., 1997; *Его же*. Расставание с простотой. – М., 1998, и др.

дарственных структурных образований, отраженных и защищенных религиозными идеями, политической идеологией и функционирующим правом, – это только последовательный ряд наиболее крупной ветви макросоциальной структурной эволюции. Именно ее законам, а не воле, пусть даже наиболее влиятельного группового или индивидуального интереса, подчиняется вся система стратификации современной постиндустриальной цивилизации, направление, темпы и способы горизонтальной и вертикальной социальной, экономической, политической и профессиональной мобильности.

Под углом зрения проводимого анализа соотношения феноменальных проявлений глобализации и преступности представляется возможным не выделять все аспекты проблемы, а остановиться на таких, которые: а) уже выявлены в социальном континууме, б) имеют действительный характер социально значимых и в) уже определены или имеют предпосылки для определения на уровне достаточных и необходимых условий в качестве преступных действий (поведения) или криминогенных детерминант.

В качестве задаваемой системы отсчета, или исследовательской позиции, постулируем некоторые наиболее важные моменты ее методологического и теоретического обеспечения.

Во-первых, будем исходить из того, что система, имеющая наименование «человеческое сообщество», хотя необходимым и достаточным для глобализации может быть и система современной постиндустриальной цивилизации, взятой как мир-экономика (мир-система), находится в русле разворачивающегося процесса социальной трансформации, одной из первых социально выявленных форм которой выступает глобализация. **В пределе у подобного процесса возможными являются три финальных состояния: развитие, результатом которого выступит формирование эквипотенциальной системы; деградация, т. е. переход современного человечества на более низкую ступень системной и структурной организации, с диспергированием качественной определенности свойства эмерджентности; реэволюция, или исторически и логически эволюционный круг, когда покровом инновационных одеяний ретушируется восстановление всей совокупности или отдельных частей прежнего социального качества, но уже в пределах иных пропорций исторического времени и диспозиции социопространственной конфигурации ее субъектов и объектов.**⁷⁹

Во-вторых, данная система в процессе трансформации может быть закрытой или открытой, находиться в состоянии, близком к равновесию или далеко от него, двигаться в историческом времени равномерно или ускоренно; соответственно своим социопространственным координатам, характеру социального движения и качеству системы она может находиться в параметрах действия закономерностей одного из циклов социального движения: синергетического, диалектического или в границах переходного периода, сочетая пропорции обеих циклоид.

В-третьих, система развивается и внутренне неравномерно, отдельные ее элементы или их ансамбли неизбежно упрощаются в процессе внутрискруктурной функциональной селекции, в то время как лидирующим выступает или один, или множество аналоговых структурных элементов, которые субстанционально или функционально адекватно отвечают на вызов системного равновесия и активно эволюционируют.

Аналогичным образом разворачивается процесс усиления реактивного поведения элементов системы, на которые оказывают кумулятивное воздействие как внешние изменения среды и эволюционирующее множество, так и несистемные элементы, расположенные в ее активном пространстве. Они также дифференцируют свою деятельность, используя как системную силу, так и ее слабость. В первом случае речь идет об овладении реактивными

⁷⁹ Карасев В. И. Формирование системы отсчета. – М., 1999; *Его же*. Россия: Общее и уникальное в контексте мирового развития. – М., 1999, и др.

системами инновационными функциональными возможностями эволюционного механизма и нацеленности на замещение места лидирующего множества; во втором – о наличии социальной субстанции, не охваченной структурно-организационными формами воздействия и положительной функциональностью. Ослабленные механизмы социального управления, в том числе властные государственные институты, не могут осуществлять в этом ареале полноценный социальный контроль. В таких условиях вектор антисистемного движения направлен на субстанциальное замещение самого системного качества с потенциалом изменения направления социального движения.

Реактивные состояния располагаются в зонах действия сторон противоречий и усиливаются там и тогда, где и когда проявляется эффект усложнения взаимодействия противоречий как следствия совокупного воздействия на субъект законов сборки и функционирования эволюционирующих систем разного уровня развития и структурной организации. Они имеют место на всех уровнях человеческого бытия: индивидуальном, групповом, этническом, государственном и, наконец, социальном в полном логическом объеме понятия. **Очевидно, что глобальное воздействие в такой ситуации с силой исторической закономерности вызовет и глобальную ответную реакцию.**

Реакцией второго порядка, определяемой потенциалом имеющейся в социальной системе обратной связи, выступает реакция самосохранения – деятельность, направленная на защиту как от воздействия потока внешних воздействий на систему, оказываемых эволюционным процессом, так и от реактивной деятельности внутрисистемных возмущений. Посредством изменения норм действующего законодательства государство минимизирует (или представляет, что минимизирует) появившуюся дисфункциональность и структурные противоречия, в том числе путем сужения или расширения (криминализации или декриминализации) действий, определяемых как преступные.

Я. И. Гилинский советует постоянно иметь в виду «некоторую двусмысленность, „шизофреничность“» объяснения преступности, так как, «рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по конструированию „преступности“». ⁸⁰ С данным объяснением трудно не согласиться. Но государство не конструирует преступность, а лишь дефинирует определенный класс деяний как преступные, имея в виду не произвольное толкование, а согласованное определение как зафиксированную в норме закона консолидированную позицию (реакцию) общества, направленную на охрану прав личности и самосохранение общества как структурной организации людей в условиях изменяющихся параметров социальной и правовой реальности.

Важно отметить следующее: в класс преступных попадают не все деяния, имеющие потенцию, содержание, характер и иные квалифицирующие признаки преступления. С одной стороны, общественное сознание не готово к их криминализации, с другой – еще не готова сама социальная практика. Реактивное поведение в контексте потока социальных изменений, в том числе имеющее негативные социально значимые следствия, не всегда является девиантным. Например, экологическое право возникло исторически недавно, а уничтожение всей совокупности окружающей среды варьировалось общественным сознанием от триумфа антропоцентризма до состояния моральной упречности, но никак не в качестве преступного деяния. Методика формирования первоначального капитала в условиях постсоветского пространства и сегодня, осужденная не позитивным правом, но судом истории, также не входит в число деяний, подпадающих под определение преступных. Никакой девиантности в большинстве аналогичных процессов, явлений и отдельных социальных фактов нет – есть осознание (или нет) степени опасности их как для человеческой морали, так и для

⁸⁰ Гилинский Я. И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности, 2002, № 2 (4), с. 79.

жизни человека, конкретно-исторической формы собственности и самосохранения самой социальной системы.

Уже первые реакции на проявление глобализации в форме давления на культурную и ментальную, на уровне конфессиональной организации и религиозного мировоззрения, основы человеческих сообществ показывают глобальность протестных реактивных акций в форме терроризма и религиозного экстремизма. В четком соответствии с предложенной методологией массовой и консолидированной оказывается и реакция второго порядка, т. е. ответные действия мирового сообщества на подобного рода действия. И уже на этом уровне сказывается проблема пробельности системы международного права, более строго, фактического отставания современной цивилизации от требований исторического времени, значительного, на наш взгляд, запаздывания с ответом на глобальный вызов законов универсальных трансформационных процессов.

Для определения того или иного класса международных действий в качестве виновных и преступных необходима согласованная позиция сообщества в этом отношении. Отсылка к функциям ООН или Гаагского Международного трибунала некорректна, так как их частично осуществляемая деятельность по криминализации или декриминализации глобальных действий, как отдельных лиц, так и их объединений и государств, признается далеко не всеми субъектами международного права. **Единого наднационального законодательного органа, в функции которого была бы вменена на законных основаниях подобная деятельность, в современности не существует, как нет единого не только правового, но и социального пространства, укрепленного организационным строением и действующими институтами официально признанной власти в границах единого же правового поля.** Принятие же волевых субъективных решений на уровне лидеров нескольких, а тем более одной, из ведущих держав само с точки зрения уже существующих норм международного договорного права сомнительно. Яркий пример – существующее данное еще Лигой Наций определение агрессии, Постановление легитимного Нюрнбергского трибунала в части определения преступного характера государственных актов агрессии и геноцида и нормы Хельсинкского Итогового документа о принципах мирного сосуществования. В поле их правопонимания вся деятельность США, Англии и отдельных европейских государств в отношении Югославии, Афганистана и Ирака сама полностью подпадает под квалификацию в качестве безусловно преступной.

Таким образом, **если глобализация проводит границу между прошлым и будущим и реактивное поведение возможно по всему фронту трансформационных изменений, то преступность выступает демаркационной линией качественной определенности современной демократии.**⁸¹ Поэтому, с нашей точки зрения, прав М. Гернет⁸² (а не представители критической криминологии⁸³), утверждая, что весь социально-экономический строй может быть прямой причиной преступления, например, рабовладение с позиций настоящего времени или диктатура нацистов в Германии XX в., или, в строгом определении, он способен нести в себе потенциал криминогенных детерминант.

Особенно рельефно данное положение применимо к тем процессам, которые связаны с капитализмом и его наследниками: постиндустриализмом и организованной преступностью. Последняя как социальный феномен уже в границах строгих правовых определений генетически детерминирована процессом капитализации.

⁸¹ Речь идет о демократии как доминирующем политическом режиме, ибо, скажем, тирания и тоталитаризм порочны по определению, а большинство государств находятся в состоянии перехода к демократии, хотя ко всему многообразию государственных устройств и политических режимов данное определение применимо практически без ограничений.

⁸² Административный вестник, 1926, № 1, с. 30.

⁸³ Гилинский Я. И. Объяснение преступности // Предупреждение преступности, 2002, № 2 (4), с. 80.

Капитал как социальное явление выступает продуктом исторического развития системы общественного разделения труда, в качестве категории он является конечным продуктом отчуждения как формы производственных отношений, возможных в параметрах социума. Он не формируется под влиянием имеющегося в наличии социального устройства, а является его формообразующей детерминантой. Капитал строит самого себя в качестве самовозрастающей стоимости, используя социальное пространство как свой «строительный материал». Если же социального пространства в виде ресурсов, включая человеческий труд, в социальных границах, например, отдельно взятого национального государства не хватает, капитал законно или нелегально, но закономерно выходит за эти границы.

Можно сказать, что именно право позволило капиталу стать социально значимым явлением, но с той же уверенностью представляется возможным утверждать, что именно капитал выступает системным ресурсом современного правотворчества. И, следовательно, современные правовые модели не в состоянии ограничить действие механизма его саморазвития. Источником капитализации выступает предельно отчужденный общественный труд, его экспоненциальная эксплуатация, особенно при наличии гигантского различия не только в реальном качестве жизни различных стран, но даже в потребностях и оценке населения, монополизация производства и сбыта, правовая защита капитала как частной собственности.

За исключением последнего момента признаки формирования и функционирования легального и теневого капитала абсолютно тождественны. Более того, именно процесс глобализации очерчивает ареал более выгодного развития именно незаконного капиталоборота. Легальный капитал стабилен, но за это он расплачивается налогами, благотворительностью и содержанием легального лобби и нелегальных корруптеров. Теневой капитал, казалось бы, легче уязвим, но скорость и размеры капитализации здесь на порядки выше, чем в законно функционирующей экономике. Расширение средств связи, транспортных и иных коммуникаций, создание мировой киберпространственной сети реально делают нелегальный капитал гораздо мобильнее законопослушного. Что касается статуса легальности, то он по преимуществу обменивается на часть капитала в виде денег, акций или иных форм, однако тревожной тенденцией сегодняшнего дня представляется тенденция к понижению интереса теневого капитала к легализации.

Следующей пограничной тенденцией связи капитала как продукта системы социальных отношений и капитала как результата организованной преступной деятельности выступает ограниченность ресурсов построенной на капиталистической основе современной мир-экономики. Дело в том, что интенсивно капитал в состоянии развиваться только за счет человеческого фактора, т. е. разницы между трудом и рабочей силой как способностью к труду. В рамках отдельных производственных предприятий, отраслей или в границах национально-государственного устройства бесконечно данный процесс продолжаться не в состоянии; он замещается действием закона распределения множества издержек, например по отрасли. Речь идет о следующем механизме. С внедрением на конкретном предприятии эффективной инновационной технологии, при сохранении производственной тайны и фактически монопольном использовании нововведения, продолжается капитализация, но не за счет увеличения интенсивности производства, а за счет роста издержек, включая рост эксплуатации наемного труда, на остальных предприятиях отрасли. Аналогично в **современных условиях капитал растет в странах ареала постиндустриальной цивилизации за счет резко увеличивающегося падения эффективности производства в «третьих странах»**, которыми сегодня являются большинство национальных государств. По этой же причине экспортируются не технологии, что быстро развивало бы национальные производства, а товары, распространение которых для капитала прибыльно и не опасно, а для стран-потребителей является перманентным средством их экономического закабаления,

лишая возможностей собственных производственных мощностей и «подсаживая на иглу» современного потребления. Достаточно сказать, что такие мегаполисы, как Москва и Санкт-Петербург, импортозависимы до уровня 90 %, а ведь Москва – не только крупный город, но и столица далеко не последнего государства в современном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.